

УБЕЖИЩЕ НА ОБРАТНОЙ СТОРОНЕ ЛУНЫ

Алиса Вересова

**Убежище на обратной
стороне Луны**

«Автор»

2026

Вересова А.

Убежище на обратной стороне Луны / А. Вересова — «Автор», 2026

За тридцать шесть часов до солнечной бури инженерка лунного убежища Лада Корнеева обнаруживает в официально закрытом секторе шестьдесят три человека. Они десятилетиями жили вне реестра, ремонтировали станцию и платили невидимостью за безопасность. Теперь инспекторка Яна Ветрова требует эвакуации, директор защищает груз дорожке людей, а конечной массы экранирования не хватает на всех. Чтобы пережить удар, Ладе придётся раскрыть существование общины, которой она обещала молчание, и отказаться от привычного права решать за других. Пока защитные кассеты движутся вслед за радиационным фронтом, жители создают процедуру, где риск нельзя спрятать в алгоритме, а доверие подтверждается поступками. «Убежище на обратной стороне Луны» — камерный научно-фантастический триллер о видимости, общей ответственности и зрелой любви между двумя женщинами, которые умеют спорить и оставлять друг другу право выбора.

© Вересова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Потеря, которой нет	6
Глава 2. Закрытый сектор	11
Глава 3. Инспекторка	18
Глава 4. Чужая норма	24
Глава 5. Девять тонн	30
Глава 6. Пустой ангар	36
Глава 7. Рождённая на Луне	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алиса Вересова

Убежище на обратной стороне Луны

От автора

Убежища строят из стен, шлюзов и расчётов. Но в решающий час их надёжность зависит ещё и от того, кого внесли в список спасаемых, чьи слова считают данными и кто получает право распределять общий риск.

Эта история — о замкнутой лунной станции, где нельзя принести защиту извне и невозможно сделать вид, будто цена решения исчезает за техническими терминами. Её героини умеют проверять системы, спорить и признавать собственные ошибки. Им предстоит понять, что безопасность без голоса людей легко превращается в контроль, а сочувствие без проверки может стать другой формой власти.

Перед вами научно-фантастический триллер, а не инструкция по радиационной защите или космической медицине. Технические правила мира служат сюжету. Главный вопрос книги относится не только к Луне: можем ли мы делить опасность честно, если идеального решения нет?

Глава 1. Потеря, которой нет

В четыре семнадцать по станционному времени «Грань» потеряла сто восемьдесят литров воздуха.

Сирены не включились. Давление в жилых секторах не изменилось даже на сотую долю процента, клапаны держали, шлюзы не открывались. И всё же на схеме, выведенной над столом главной инженерки, тонкая синяя линия уходила из общего контура и обрывалась там, где ничего не должно было быть.

Лада Корнеева увеличила участок графика двумя пальцами.

— Повтори баланс за шесть часов.

Станция послушно пересчитала поступление кислорода из водорослевых кассет, регенерацию, складские баллоны, дыхательную нагрузку и технический сброс. Недостача возникала не рывком, как при разгерметизации, а ровным дыханием: чуть больше на смене, чуть меньше в условную ночь. За шесть часов — сто восемьдесят литров. За сутки набиралось столько, сколько требовалось небольшой мастерской, полной людей.

На официальной схеме за синей линией начинался сектор К-9. Его вывели из эксплуатации пятнадцать лет назад, после строительной аварии. Туда не подавали воздух. Там не было мастерской.

Лада отключила автоматическую компенсацию потерь. График на мгновение просел, затем выровнялся сам.

Кто-то на другом конце линии заметил её движение.

Она включила компенсацию обратно.

В диспетчерской было тихо, если не считать шороха насосов за стеной. Этот шорох Лада различала лучше голосов: ровный ход, короткий сброс давления, едва слышный удар обратного клапана. В последние месяцы ей иногда казалось, что станция говорит именно так — не словами, а отклонениями от нормы, которые нужно успеть услышать прежде, чем они превратятся в аварию.

После аварии на третьем приводе ей больше не прощали опозданий. Она и сама себе их не прощала.

На краю стола мигнул вызов. Рашид Омаров появился в проекции непричёсанный, с тёмной полосой от маски сна на щеке.

— Если ты звонишь до подъёма, значит, либо мы умираем, либо ты нашла лишнюю запятуу в регламенте.

— Второе опаснее. Посмотри на канал потерь К-9.

Рашид зевнул, провёл ладонью по лицу и перестал улыбаться. Его взгляд двигался по цифрам.

— Датчик?

— Три датчика. Я меняла веса в модели. Результат тот же.

— Остаточный объём в трубах.

— Он не просыпается по сменному расписанию.

Рашид увеличил недельную кривую. Повторялся один и тот же рисунок: утренний подъём, два малых пика, ночное снижение. Человек мог назвать это шумом, пока не увидел несколько суток рядом. После этого оставалось только признать ритм.

— Сколько? — спросил он.

— Пока не знаю.

— Лада.

— От десяти до восьмидесяти, если судить только по воздуху. Там может быть производство, биореактор, старая автоматика. Я не стану считать людей по одному графику.

— Но людей ты уже назвала первыми.

Она не ответила. Рашид убрал с экрана лишние слои и нашёл источник компенсации. Воздух списывался как продувка кольцевого канала переката — допустимая технологическая потеря, слишком малая для отдельного предупреждения. Каждая запись имела правильную подпись автоматики. Именно поэтому никто не заметил её раньше.

— Такое не получается случайно, — сказал Рашид.

— Знаю.

— И давно?

— Глубокий архив поднимется через двадцать минут.

На общей панели вспыхнула янтарная рамка. Лада машинально ждала привычного уведомления о грузовой смене, но в рамке развернулась карта солнечной активности. Над краем Луны, невидимая из «Грани», орбитальная сеть зарегистрировала выброс протонов. Прогноз ещё пересчитывался; полоса вероятности расширялась быстрее, чем появлялись точные числа.

ВЕРОЯТНЫЙ РАДИАЦИОННЫЙ ФРОНТ. ДО КОНТАКТА: 36:12–41:50.

Рашид тихо выругался.

Лада открыла модель переката. По кольцевым каналам вокруг жилых отсеков можно было перегнуть реголит, воду и борсодержащие плиты, утолщая защиту на пути фронта. Но масса оставалась конечной. Любое усиление имело обратную сторону — участок, из которого защита уходила.

Система автоматически нанесла на карту расчётную населённость. К-9 остался серым.

— Не трогай архив удалённо, — сказал Рашид. — Если там действительно кто-то есть, запрос заметят.

— Уже заметили тест компенсации.

— Тогда тем более.

— Через тридцать шесть часов автоматика распределит защиту так, будто К-9 пуст.

— А если он и правда пуст?

Лада провела по серому сектору курсором.

— Тогда у меня всего лишь потеря воздуха, которой нет.

Дверь диспетчерской раскрылась раньше, чем система объявила посетителя. Директор Герман Вольский вошёл в застёгнутой форменной куртке, будто давно ждал повода появиться полностью готовым. За ним стояла незнакомая женщина с дорожным кофром у ног. Светлые волосы были коротко подстрижены, на сером комбинезоне не было знаков концессии. Только белая нашивка над карманом: Ветрова Я. М., инспекция безопасности.

— Хорошо, что вы на месте, Корнеева, — сказал Герман. — У нас изменился график.

Лада закрыла окно К-9, оставив на общем экране только прогноз бури.

— Я вижу.

— Инспектор Ветрова прибыла последним транспортом. Формальная проверка должна была начаться завтра, но при предупреждении о фронте она вступает в аварийные полномочия немедленно.

— Я не вступаю в командование станцией, — сказала Яна Ветрова. Голос у неё был негромкий, без попытки заполнить помещение. — Я оцениваю соответствие защиты фактической нагрузке и могу приостановить сертификат. Решения по эксплуатации остаются за вами.

Герман едва заметно поджал губы. Вероятно, он уже успел представить её иначе.

— Тем более нам полезно действовать согласованно, — произнёс он. — Прогноз требует разгрузки.

Яна поставила кофр у стены и вывела на стол своё предписание. Документ был подписан два часа назад, ещё в транспортном модуле.

— При верхней границе потока перекал не обеспечивает нормативную дозу при текущем размещении людей и резервов, — сказала она. — До уточнения прогноза необходимо осво-

бодить периферийные помещения, перевести неключевой персонал в центральные отсеки и подготовить эвакуационный список.

— Транспорт ушёл, — заметила Лада.

— Вернётся через девятнадцать часов, если стартовое окно не закроют.

— Сто восемь мест?

— Сто четыре после переоборудования грузового яруса.

— На станции триста одиннадцать зарегистрированных жителей.

— Поэтому я сказала «список», а не «эвакуация всех».

Лада посмотрела на серый сектор, скрытый под окном предписания. Если в К-9 жили люди, их не существовало ни в одном списке. Сто четыре места уже были не решением, а спором о том, кого считать нагрузкой.

— Что именно вы предлагаете разгрузить? — спросила она.

Яна развернула карту. Несколько складов стали жёлтыми, мастерская внешних работ — оранжевой, К-9 окрасился белым.

— Все законсервированные объёмы отсечь от воздухообмена и энергокольца. Неиспользуемое оборудование обесточить. Подвижные запасы воды перевести в каналы переката.

— К-9 уже отсечён.

— По документации — да.

Яна коснулась строки технических потерь. Лада почувствовала, как внутри всё сжалось, хотя на лице инспекторки не было ни торжества, ни подозрения — только внимание.

— Фактический расход не соответствует документации, — продолжила Яна. — Перед любым перераспределением я проверю сектор.

— У нас тридцать шесть часов.

— Именно поэтому я не предлагаю верить схеме.

Фраза была правильной. Это раздражало сильнее, чем ошибка.

— Мне нужны два часа на диагностику, — сказала Лада.

— Сорок минут, — вмешался Герман. — Затем К-9 физически отключаем. Там нет ничего, ради чего стоит задерживать подготовку.

— Если там повреждён канал переката, отключение может заклинить перегон.

— В последнем акте он цел.

— Последнему акту одиннадцать лет.

Герман приблизился к столу.

— В прошлый раз, когда вы потребовали лишнее время на диагностику, третий привод остановился до окончания проверки.

В диспетчерской стало слышно, как насосы принимают очередной объём воды. Лада могла бы перечислить все причины той аварии: дефект опоры, неверную маркировку подшипника, давление руководства, требовавшего не прерывать перегон. В итоговом отчёте осталось её решение продолжить тест ещё семь минут. Этого хватило, чтобы вина обрела одно имя.

— Поэтому сейчас я прошу время до отключения, а не после, — сказала она.

Яна перевела взгляд с Германа на Ладу.

— Сорок минут на первичную проверку. Без необратимых действий. Я иду с вами.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Тогда проверку начну я, — сказала Яна. — Доступ инспекции к защитным системам предусмотрен соглашением станции.

— К защитным системам. Не ко всем сервисным полостям.

— Вы только что связали К-9 с каналом переката.

Герман наблюдал за ними с тем удовлетворением, которое появлялось у него, когда чужой спор избавлял его от собственного решения.

Лада закрыла модель.

— Я проведу удалённое сканирование. Если оно покажет препятствие, пойдём вместе.

Яна выдержала паузу.

— Десять минут.

— Двадцать.

— Пятнадцать. И вы сохраняете исходные данные.

— Всегда сохраняю.

— Тогда это легко проверить.

Яна сказала это без вызова, но Лада услышала границу: доверие не предполагалось и не требовалось. Только проверяемость. Станным образом от этого стало легче.

Герман дал им сорок минут и вышел. На пороге он обернулся:

— Если сектор пуст, отключаем без нового совещания.

Когда дверь закрылась, Рашид, всё ещё висевший маленьким окном в углу экрана, поднял брови.

— Мне тоже выйти?

— Подними тепловой архив К-9, — сказала Лада.

— Он не входит в диагностику канала, — заметила Яна.

— Он покажет, есть ли препятствия у внутренней стенки.

— Или люди.

Лада встретила её взгляд.

— Или люди.

Это было первое произнесённое вслух признание.

Рашид запустил запрос с локального зеркала — без обращения к центральному архиву. Система собирала картину медленно. После аварии датчики К-9 перевели в экономичный режим; вместо изображения они хранили редкие точки температуры. Одну точку можно было принять за нагретый кабель, две — за ошибку калибровки. За год они складывались в дорожки.

Яна стояла рядом, положив ладони на край стола. Лада заметила на её правом запястье красный след от страховочного ремня. Значит, транспорт садился жёстко, а она пришла в диспетчерскую, не заходя в жилой отсек. Не формальная проверка. Не человек, которого прислали подписать заранее готовый акт.

— Почему вы прибыли до предупреждения? — спросила Лада.

— Из-за расхождений в массе переката. Станция регулярно заявляет больше защищённого объёма, чем позволяет конфигурация каналов.

— Погрешность инвентаризации.

— Возможно.

— Но вы так не думаете.

— Я приехала измерить.

На стол легли первые точки. Тёмный фон, холодные линии переборок, ровное тепло силового кабеля. Затем вдоль внутреннего коридора возникли отдельные пятна.

Одно. Три. Семь.

Они перемещались.

Рашид перестал комментировать. Лада выбрала последние сутки и повысила временное разрешение. Датчики просыпались по очереди, поэтому картинка дёргалась, теряла фигуры и снова находила их в другом конце сектора. Но рисунок уже нельзя было назвать помехой. Тепловые следы расходились утром, собирались в двух больших помещениях, замирали ночью тесными группами.

Яна выпрямилась.

— Сколько там людей?

— По таким данным не определить.

— Нижняя граница.

Лада включила перекрывающиеся участки и начала считать уникальные траектории. Двенадцать. Девятнадцать. Двадцать восемь. Алгоритм терял близко идущих людей, принимал двоих за одного, но число продолжало расти.

На тридцать седьмой траектории система предупредила, что достоверность распознавания ниже допустимой.

Лада остановила подсчёт.

До фронта оставалось тридцать пять часов пятьдесят две минуты.

На модели переката К-9 по-прежнему был пустым серым объёмом. В тепловом архиве он дышал, работал и просыпался по сменам. Десятки тел жили за стеной, которую станция собиралась оставить без защиты.

— Герман должен узнать сейчас, — сказала Яна.

— Сначала мы должны войти.

— Вы хотите дать им время исчезнуть?

— Исчезнуть с Луны?

Впервые спокойствие инспекторки дрогнуло. Не от резкости — от смысла.

Лада погасила общий экран и сохранила архив в независимом журнале, доступном обеим.

— Пятнадцать минут закончились, — сказала Яна.

— Тогда пойдёмте посмотрим, кого не существует.

Глава 2. Закрытый сектор

К-9 не имел двери.

На его месте в кольцевом коридоре стояла глухая переборка с выцветшей красной полосой. Табличка сообщала об обрушении, радиационном загрязнении и запрете доступа. Последнее слово кто-то когда-то процарапал отвёрткой, но потом закрасил тем же серым составом, что и стену.

Лада остановилась в трёх метрах от переборки.

— Через неё не пройти, — сказала Яна.

— Через неё и не ходят.

Сервисный вход находился этажом ниже, за шкафом диагностики. Чтобы добраться до него, пришлось снять две панели и вытащить блок старых оптических реле. Лада знала этот ход по строительным схемам. Судя по чистым фиксаторам, кто-то знал его гораздо лучше.

— Вы раньше здесь были? — спросила Яна.

— Нет.

— Но искали вход без схемы.

— На «Грани» все новые панели крепят магнитными замками. Винты оставили только там, где хотели, чтобы ремонт выглядел заброшенным.

За блоком открылся узкий лаз. Из него тянуло тёплым воздухом и запахом металла, масла и чего-то печёного.

Лада замерла. Последний запах был самым убедительным доказательством жизни.

— Общий журнал включён, — сказала Яна. — Изображение и звук.

— Отключите изображение.

— Почему?

— Мы ещё не знаем, кто там и чего они боятся. Технические параметры записываем. Лица — после согласия.

— Если там нарушение безопасности, мне понадобятся доказательства.

— У вас уже есть тепловой архив и расход воздуха. Этого достаточно, чтобы доказать присутствие. Недостаточно, чтобы составить список людей без их ведома.

Яна посмотрела на тёмный лаз.

— Звук оставлю. Камеру переведу на стену.

Это не было согласием с принципом. Только временной границей, которую инспекторка сочла разумной. Ладе этого хватило.

Она вошла первой.

Ход шёл вдоль старого канала переката. Под ногами дрожали трубы, над головой висели мешки с кабелем и заплатанные воздуховоды. Через двадцать метров пространство расширилось. На стене появились свежие метки: три коротких штриха, стрелка, круг. Не аварийная маркировка «Грани».

Впереди щёлкнул металл.

— Стойте, — произнёс женский голос.

Лада остановилась и подняла пустые руки. Яна сделала то же самое на полшага позади.

Из-за поворота вышла женщина лет пятидесяти. В руках у неё был монтажный инструмент — тяжёлый, но слишком неудобный для оружия. Седые пряди были вплетены в тугую косу. На выцветшем комбинезоне сохранился знак первой строительной смены.

— Главная инженерка, — сказала она. — Долго же ты считала.

— Вы знали, что я вижу расход?

— Я знала, когда ты выключила компенсацию.

— Кто вы?

— Сима Нарай. Здесь отвечаю за контуры.

— Яна Ветрова, инспекция безопасности.

Инструмент в руках Симы чуть опустился, хотя её лицо не изменилось.

— Тогда вам лучше забыть дорогу.

— Через тридцать пять часов придёт протонный фронт, — сказала Яна. — Ваш сектор исключён из расчёта защиты.

— Мы знаем о фронте.

— Не знаете верхнюю границу.

— Зато знаем вашу привычку спасать документы прежде людей.

Лада встала так, чтобы видеть обеих.

— Спорить будем после осмотра. Мне нужно число жителей, состояние воздуховодов и фактическая связь с перекатом.

— Нет.

— Если вы не дадите данные, автоматика сочтёт К-9 пустым.

— А если дадим, директор сочтёт нас грузом.

За Симой послышались шаги. Появилась молодая женщина в рабочей куртке с открытым инструментальным поясом. Она была выше Симы и двигалась быстро, почти не касаясь поручней.

— Покажи им, — сказала она.

— Ада, назад.

— Они уже здесь. Прятаться от тех, кто нас увидел, — это не тайна, а игра.

Ада остановилась рядом с Симой и посмотрела прямо в камеру Яны, направленную на стену.

— Меня зовут Ада Лин. Я родилась в К-9. Если вам нужно доказательство, запишите это.

— Не нужно, — сказала Яна. — Пока достаточно данных без имени.

Ада явно не ожидала такого ответа.

Сима медленно положила инструмент на пол.

— Пятнадцать минут, — сказала она. — Без центральной сети. Без лиц. Потом уходите.

Коридор за поворотом оказался не убежищем из аварийных контейнеров, каким Лада успела его представить. Это был настоящий жилой сектор, собранный внутри списанного каркаса. Световые ленты тянулись низко, экономя энергию. Из старых грузовых ячеек сделали комнаты. В нишах росли салат и карликовые бобы; вода стекала по прозрачным трубкам, не оставляя конденсата. Все соединения имели ручные отсечные клапаны.

Люди выходили в коридор молча. Кто-то держал детей за плечи. Кто-то не отрывался от ремонта, но работал медленнее, прислушиваясь. Лада видела старые строительные комбинезоны, перешитую форму техников, самодельные мягкие ботинки для слабой лунной тяжести.

Она перестала считать после сорока.

— Шестьдесят три, — сказала Ада. — Можете не гадать.

Сима резко повернулась к ней.

— Включая детей? — спросила Яна.

— Включая всех, кто дышит, — ответила Ада.

Яна внесла число в локальный расчёт, не отправляя его в центральную систему.

— Как давно?

— Пятнадцать лет общине. Я здесь двадцать четыре года.

— Это невозможно, — сказала Лада и сразу поняла, как прозвучали её слова.

Ада усмехнулась без веселья.

— Мне часто это говорят люди, которые впервые меня видят.

— Я о рождении. Медицинский блок...

— У нас есть свой.

Сима повела их дальше. Маленькая клиника занимала бывшую распределительную. За прозрачной перегородкой спал ребёнок, рядом женщина проверяла показатели самодельного анализатора. Яна отвернула камеру ещё ниже.

Лада смотрела на крепления, фильтры, заплатки. Всё здесь было сделано из деталей, которые официально списывались как износ или потери. «Тень» не просто забирала воздух станции. Она возвращала ей отремонтированные узлы, незаметно поддерживая систему, которая отрицала её существование.

Из клиники Сима повела их не прямо к перекату, а через помещение, которое на старом плане называлось складом кабельной изоляции. У входа висело расписание, выведенное мелом на тёмной панели: математика, история Земли, механика шлюзов, лунная биология. Ниже другой рукой было приписано: «После обеда — проверка масок».

За тремя соединёнными столами сидели девять детей разного возраста. Самая младшая девочка собирала контур из цветных трубок. Подросток у стены решал на переносной доске задачу о движении каретки. Когда вошли взрослые, никто не встал. Учитель — худой мужчина с седой бородой — лишь закрыл экран, на котором была схема официального сектора.

— Школа? — спросила Яна.

— Комната, где учатся, — ответила Сима. — Не учреждение. Не пытайтесь дать ей название, которое потребует вашего разрешения.

Яна направила камеру в пол.

— Учебные записи связаны с центральной сетью?

— Нет.

— Откуда материалы?

— Из того же места, откуда ваши техники берут наши отремонтированные клапаны. Люди передают.

Учитель поднялся и подошёл к Аде.

— Если будет перегон, младших поведём в нишу три?

— Пока не знаем, — сказала она. — Они считают защиту.

Он посмотрел на Ладу так, будто ответ уже был её решением.

— Ниша три на проектной схеме считается пустой, — сказала Лада. — Мне нужно проверить толщину стены и маршрут.

— Тогда проверяйте. Только не обещайте место, пока не увидите дверь. В прошлой тревоге её заклинило.

Лада отметила это в локальном журнале. Яна спросила разрешения записать техническое замечание без имени. Учитель пожал плечами:

— Дверь не станет безопаснее, если вы узнаете, как меня зовут.

— Поэтому имени не спрашиваю.

Девочка с трубками потянула Аду за рукав.

— Нас будут вывозить?

Вопрос прозвучал буднично, как вопрос о смене уроков. Ада присела рядом, чтобы их лица оказались на одной высоте.

— Пока никто не решил.

— А если решат?

— Тогда сначала скажут нам и объяснят куда. Без тебя за тебя не ответят.

Сима резко втянула воздух. Для неё само слово «вывозить» уже означало проигрыш. Но она не поправила Аду и не пообещала ребёнку, что этого никогда не случится.

В соседнем помещении стояли два разобранных клапана официального образца. Один Лада узнала по царапине на фланце: неделю назад его сняли с южной дуги и отправили на утилизацию. В журнале значилось, что подрядчик заменил узел новым. Новый действительно установили. Старый должен был лежать в опломбированном контейнере до грузового рейса.

— Кто принёс? — спросила она.

— Не скажу, — ответила Сима.

— Мне нужно знать не имя. Мне нужно понять цепочку деталей. Если вы ставите их обратно в систему, металл должен иметь историю нагрузки.

— Мы не ставим их обратно без проверки.

Ада повернула первый клапан. На корпусе появились нанесённые вручную метки: дата снятия, число циклов, дефект, способ ремонта, имя проверявшего. Рядом лежала пластинка металла с пробным швом.

— Официальная служба списывает узел целиком, потому что менять дешевле, чем разбирать, — сказала она. — Мы меняем седло, испытываем и используем на низком давлении. Иногда отдаём обратно тому, кто принёс. Иногда деталь уходит в наши контуры.

— А иногда поддерживает перекал? — спросила Лада.

Сима не ответила.

Лада открыла последний акт южного клапана. Подрядчик подтвердил утилизацию электронной подписью и выставил концессии счёт. Если старая деталь попала в К-9, кто-то в официальном секторе не просто сочувствовал общине. Он годами строил второй оборот материалов внутри первого.

— Вы называете это хищением? — спросила Ада.

— Я называю это неизвестной конфигурацией станции, — сказала Лада. — Во время фронта она может спасти нас или сломать узел, о котором я ничего не знаю.

— Если расскажем всё, её уничтожат после проверки.

— Если не расскажете ничего, я буду рассчитывать защиту для станции, которой не существует.

Учитель у двери слушал их спор. Он взял со стола учебную модель — три прозрачные коробки и горсть металлических шайб.

— Покажите детям, — сказал он.

— Что?

— Почему не хватает девяти тонн. Они всё равно услышат цифру. Лучше пусть увидят, что она означает.

Сима хотела возразить, но дети уже придвинулись к столу. Яна отключила запись звука по собственной инициативе. На локальной модели Лада обозначила три зоны: К-9, клинику и официальные жилые отсеки. Шайбы изображали массу защиты. Когда все лежали у К-9, клиника оставалась пустой. Когда Лада разделила их поровну, красной стала каждая зона.

— А если мы перейдём в одну комнату? — спросил подросток.

— Тогда надо защищать меньшую площадь, — ответила Лада. — Но люди по пути будут в коридорах. И не все могут перейти.

— Почему нельзя взять камни снаружи?

— Можно. После бури. Сейчас наружные машины не успеют набрать, подготовить и подать нужную массу до прихода фронта.

— Вода тоже шайбы?

— Да. В стенах она защищает от частиц. Но после перегона её не будет в баках для питья и охлаждения.

Младшая девочка забрала одну шайбу из клиники и положила в К-9.

— Тогда мы забрали у больных?

— Именно.

Она вернула шайбу. Другой ребёнок снял две с жилого сектора.

— А эти люди могут выбрать сами?

Лада посмотрела на Симу. Та всё ещё стояла у входа, скрестив руки.

— Пока система выбирает за них по старому расчёту, — сказала Лада. — Мы пытаемся сделать так, чтобы решение увидели все, кого оно касается.

— За час? — спросил подросток.

— За час мы успеем хотя бы перестать врать себе о числе коробок.

Он пересчитал шайбы и отложил три отдельно.

— Это ангар?

— Возможно.

— Тогда почему вы не знаете, что там?

На этот вопрос Лада не нашла ответа, который не звучал бы как признание устройства власти. Главная инженерка знала толщину каждой жилой стены, но не имела доступа к составу директорского резерва, уже включённого в расчёт спасения.

— Потому что доступ к нему ограничен, — сказала она.

— Значит, коробка есть, а смотреть внутрь нельзя?

— Да.

— У нас так тайник называется, — заметила девочка.

Ада рассмеялась. Даже Сима отвернулась, скрывая улыбку. Яна не улыбнулась, но записала в технический журнал отдельное требование проверить фактическую массу ангара.

Когда они вышли из школы, Лада остановилась у развилки. Пятнадцать минут уже истекли. Сима могла вывести их тем же путём, оставив пережат невидимым. Вместо этого она открыла створку технического зала.

— Только конструкция, — сказала она. — Ни одного общего журнала.

— Мне нужны нагрузки и даты ремонтов, — ответила Лада.

— Получишь то, что относится к буре. Остальное — после решения людей.

Это было недостаточно для полной сертификации. Для первого расчёта — больше, чем у Лады было десять минут назад.

— Вы подключены к охлаждению пережата, — сказала Лада.

— Иначе приводы на восточной дуге давно бы встали, — ответила Сима.

— На схемах там пассивный контур.

— На схемах много удобного.

Они вошли в технический зал. По дальней стене шёл канал, заполненный тёмной смесью реголита и плит. Здесь кольцо пережата изгибалось вокруг повреждённой опоры. Поверх старого металла лежали свежие усилители.

Лада коснулась датчика напряжения.

— Кто рассчитывал ремонт?

— Мы.

— Это держит при обычном режиме. При быстром перегоне нагрузка вырастет вдвое.

— Значит, не перегоняйте быстро.

— Фронт может не оставить выбора.

Яна вывела модель прямо на стену. После добавления шестидесяти трёх человек серый К-9 стал красным. Затем красным окрасилась клиника зарегистрированного сектора. Система попыталась взять защиту со складов, но упёрлась в ограничение массы.

— Девять тонн, — сказала Яна. — Минимум девять тонн эквивалентной защиты нужно добавить сюда при среднем сценарии.

— Возьмите из директорского ангара, — сказала Ада.

— Его резерв включён в аварийную конфигурацию, — ответила Лада.

— Для кого?

Лада не нашла быстрого ответа.

Яна увеличила верхнюю границу прогноза. Красный цвет расплзся по карте.

— Даже если снять всё с ангара, — сказала она, — текущая конфигурация не рассчитана на шестьдесят три дополнительных человека. Потребуется эвакуация или перераспределение дозы.

— Дополнительных к чему? — спросила Ада. — Я появилась раньше половины вашей станции.

— Дополнительных к расчёту, — ответила Яна. — Не к праву жить.

Сима встала между проекцией и людьми.

— Никаких имён. Никаких списков. Вы уходите и говорите, что нашли неисправный контур.

— После предупреждения о буре я не могу скрыть населённый сектор, — сказала Яна.

— Тогда не выйдете с данными.

В коридоре закрылись две створки. Не герметичные — обычные мастерские перегородки, но звук получился тяжёлым.

Лада посмотрела на Симу.

— Вы пригрозили запереть инспекторку безопасности?

— Я объяснила цену её протокола.

— А цену молчания объяснить людям успели?

Сима приблизилась.

— Мы живы пятнадцать лет именно потому, что не просили разрешения.

— До этой бури ваша система дожила. Это не то же самое, что пережить следующую.

Ада подошла к проекции и ткнула пальцем в красную зону К-9.

— Пусть все увидят. Пусть директор скажет нам в лицо, что его груз важнее.

— А когда сюда придёт охрана? — спросила Сима. — Ты покажешь им, кого забирать первым?

— Я покажу, что мы существуем.

Лада слышала в их споре собственную ошибку ещё до того, как приняла решение. Ей хотелось найти технический обход: оставить людей скрытыми, тихо добавить массу, подправить модель и спасти всех, не отдавая никому право вмешаться. Красные зоны на стене доказывали, что такого решения нет. Чужой риск нельзя было спрятать внутри её добрых намерений.

Но и передать данные Герману сейчас значило позволить ему назвать людей незаконной нагрузкой прежде, чем они смогут говорить сами.

— Имена не уйдут, — сказала Лада. — Число пока тоже останется в локальном журнале. Мы фиксируем техническое состояние и возвращаемся с вариантом защиты.

— Вы не имеете права обещать молчание за меня, — сказала Яна.

— Поэтому я обещаю только за себя.

Яна долго смотрела на карту.

— Я зафиксирую населённый объём и немедленную угрозу без персональных данных.

Передачу полного отчёта задержу на время инженерного расчёта. Один час.

— Этого мало.

— У нас нет времени, которого хватит всем.

Сима открыла створки.

— Один час, — сказала она. — Потом мы сами решим, что вы унесёте.

У выхода Лада оглянулась на зал. Люди уже расходились по местам, но теперь двигались быстрее. Кто-то крепил контейнеры, кто-то снимал воду с бытового контура. «Тень» готовилась к буре без приказа станции.

Ада догнала их у сервисного лаза.

— Вы ошиблись в расчёте, — сказала она.

— Где?

— Вы считали девять тонн для помещений. А люди не останутся там, где их удобно рисовать. Мы можем рассредоточиться.

— Тогда мне нужны планы всех пригодных отсеков.

— Я принесу.

Сима позвала её из коридора, и Ада отступила.

Лада первой выбралась в нижний ярус. На официальной схеме шестидесяти трёх человек по-прежнему не было. Но модель уже знала правду: если закрыть К-9 и перегнать защиту по штатному протоколу, красной станет клиника. Если защитить К-9, опасную дозу получат зарегистрированные жилые отсеки.

Яна закрыла люк и восстановила панели.

— Перекат не рассчитан на них, — сказала она.

— Он не рассчитан на всех нас, — ответила Лада.

Глава 3. Инспекторка

В диспетчерскую они вернулись разными дорогами.

Яна поднялась по главному коридору, чтобы её маршрут остался в журнале доступа. Лада выбралась через ремонтный ярус и вошла в инженерный блок с восточной стороны. Это было первое решение, которое они приняли после К-9, не обсуждая вслух, и Ладе оно не понравилось именно своей слаженностью.

Лгать вдвоём оказалось проще, чем лгать одной.

На центральной стене мерцал отсчёт: тридцать четыре часа пятьдесят одна минута. Прогноз фронта обновлялся каждые семь минут, пока дальние станции ещё могли передавать данные. Верхняя граница потока медленно росла.

Рашид сидел у диагностического пульта. Перед ним тянулись три графика расхода воздуха. Он не обернулся, когда Лада вошла.

— Ты задержалась на сорок три минуты.

— Ход длиннее, чем на схеме.

— Я не спрашивал почему.

Он увеличил нижний график. На ровной линии появились ступени: короткая просадка, восстановление, ещё одна просадка.

— Пока вы гуляли, центральная автоматика дважды опрашивала компенсационный контур К-9. Во второй раз кто-то на том конце ответил вручную.

— Насколько заметно?

— Для меня — заметно. Для дежурного алгоритма пока просто старая дрянь, которая не умеет вести себя прилично.

— А для инспекторки?

Рашид наконец посмотрел на неё.

— Она попросила сырые данные за шесть месяцев.

За прозрачной перегородкой появилась Яна. Она сняла верхнюю куртку аварийного комплекта и несла её через руку. В обычной серой форме инспекции она выглядела не менее официально, но теперь Лада видела на левом рукаве аккуратную заплату. Видимо, не всякую вещь Ветрова списывала после повреждения.

— Госпожа Ветрова попросила, — продолжил Рашид, — и получила копию, которую невозможно изменить без записи в общем журнале. На случай, если тебе вдруг захочется совершить чудо.

— Чудес не будет.

— Тогда я пойду проверю третий привод. Рядом с честным металлом спокойнее.

Он заблокировал свой терминал и вышел прежде, чем Яна успела войти.

Она положила куртку на свободное кресло.

— У вашего специалиста редкий дар заканчивать разговор до появления неудобных вопросов.

— Это навык, а не дар.

— Вы тоже им владеете?

— Хуже, чем хотелось бы.

Яна вызвала на стену архив. Пунктирная линия показывала нормативные потери законсервированных секторов, сплошная — фактические. Почти пять лет они шли рядом. Потом фактическая поползла вверх, остановилась и превратилась в ровное плато.

Лада сразу поняла, что именно обнаружила инспекторка. Раньше она смотрела на последние месяцы и искала признаки аварии. Яна начала с момента, когда авария стала привычкой.

— Потери появились не постепенно, — сказала Яна. — Они выросли за одиннадцать суток и закрепились. Утечка так не ведёт себя.

— Если меняется трещина в полимерном шве, ведёт.

— А потом пять лет сохраняет расход с точностью до двух процентов при разных давлениях?

— После деформации края могли упереться в кабельный жгут.

— Могли. Поэтому вы оформили неисправность?

Лада открыла журнал ремонтов, хотя уже знала ответ. В нужном году К-9 был исключён из плановых обходов. На утечку не существовало отдельной заявки; её величина растворилась в общей статье технологических потерь.

— Сектор законсервировали после обрушения. Локализовывать малый расход за аварийной переборкой было дороже, чем компенсировать его.

— Чей это вывод?

— Предыдущей инженерной службы.

— А вы его перепроверяли?

— Баланс сходился.

— Это ответ бухгалтера.

— На замкнутой станции хороший инженер обязан иногда отвечать как бухгалтер. Воздух, вода, масса защиты — всё имеет остаток.

— Люди тоже?

Вопрос был задан тихо. Лада посмотрела на Яну, но та уже листала архив дальше.

— Вы обещали час, — сказала Лада.

— Обещала задержать полный отчёт на время инженерного расчёта. Я не обещала перестать работать.

— Я рассчитываю рассредоточение.

— Пока вы защищаете старую неисправность, которой не было.

— Не доказано.

— Хорошо. Докажем.

Яна развернула панель тестов. Лада увидела выбранную последовательность и почувствовала, как внутри всё стало холодным. Три коротких изменения давления с неравными интервалами, затем одно длинное. Стандартная проверка инерционности пустого контура. Утечка ответила бы плавной кривой. Жилой сектор — шестьдесятю тремя телами, клапанами, привычками — выдал бы неровные колебания потребления. Тот самый дыхательный ритм, который заметил Рашид.

— Не запускайте, — сказала она.

Палец Яны остановился над подтверждением.

— Техническая причина.

— К-9 подключён к восточному охлаждению. Импульс может раскачать обратный клапан.

— Давление меняется на четыре десятых процента.

— Для штатной линии это безопасно. Там нештатная.

— Насколько нештатная?

— Мы не знаем.

— Вы были внутри и осматривали контур.

— Визуально. Без нагрузочного теста.

— Вот он.

Яна нажала не подтверждение, а сохранение протокола. Тест остался готовым к запуску.

— Мне нужно зафиксированное основание для отмены, Лада.

Впервые она назвала её без должности. Не приблизилась — просто убрала формальную подпорку. От этого ложь стала тяжелее.

Лада открыла схему восточной дуги и отметила обратный клапан К-9 жёлтым.

— В старых актах есть замечание по кавитации. Датчик после консервации не меняли. Я не могу гарантировать, что импульс не передастся на охлаждение привода.

— Вы можете гарантировать, что это настоящая причина?

— Я могу гарантировать риск.

— Не одно и то же.

— Для отмены теста достаточно риска.

Яна изучила акт. Документ существовал: двадцать два года назад клапан действительно вибрировал на испытании. Причину тогда устранили, но повторной сертификации узла после консервации не проводили. Лада не подделала ни строки. Она лишь поставила старый факт между инспекторкой и новой правдой.

— Временно отклонено, — сказала Яна и подписала отмену. — До локальной проверки клапана.

У Лады появилось странное желание возразить. Она получила именно то, чего добивалась, но подпись Яны превратила уловку в долг.

— Вы мне не верите.

— Я не обязана вам верить. Я обязана учитывать подтверждённый риск.

— А если вы считаете, что я использую его как предлог?

— Тогда я должна найти способ проверить и риск, и предлог, не подвергая людей опасности.

Слово «людей» осталось между ними. Не «оборудование», не «возможных жителей». Яна знала, кого обнаружит тест, и всё же отменила его.

Лада села за соседний пульт.

— Что вы внесёте в отчёт через час?

— Населённый сектор, неизвестную численность, неучтённую нагрузку, опасный фронт и конфликт между штатной моделью и фактической конфигурацией.

— Без шестидесяти трёх?

— Число дала Ада при свидетелях. Но Сима оспорила передачу данных от имени общины. До аварийного расчёта мне достаточно нижней границы.

— Тридцать семь траекторий.

— Да.

— Герман начнёт эвакуацию, как только увидит формулировку.

— Эвакуация не равна задержанию.

— Здесь — равна. Транспорт проходит через центральный узел. Каждого внесут в реестр до посадки.

— А если не эвакуировать и не обеспечить защиту, часть людей получит опасную дозу.

— Поэтому нам нужен расчёт.

— Нам нужны решения людей, которых этот расчёт касается.

Лада повернулась к ней. Яна произнесла почти ту же мысль, с которой Лада вышла из К-9, но это не принесло облегчения.

— Ваш протокол не даёт им голоса.

— Мой протокол хотя бы оставляет след того, кто их лишил голоса.

— След не остановит охрану.

— А ваша тайна не остановит бурю.

Отсчёт сменился: тридцать четыре часа двадцать две минуты.

В инженерный блок вошёл Герман. Директор двигался быстро, но без суеты, как человек, давно решивший, что скорость окружающих должна зависеть от его голоса.

- Почему инспекционный тест отменён? — спросил он.
- Яна вывела подписанное основание.
- Риск для охлаждения восточной дуги.
- Герман прочитал две строки.
- Этот клапан меняли ещё до моего назначения.
- В журнале нет повторной сертификации после консервации, — сказала Лада.
- Тогда проведите её сейчас.
- Нужен локальный доступ.
- Откройте переборку.
- За ней повреждённый канал переката. Если нарушить старое усиление до перехода в аварийный режим, мы потеряем восточную дугу.
- Герман посмотрел на схему, затем на Ладу.
- Вы видели усиление?
- Пауза длилась меньше секунды. Этого хватило Яне.
- По строительному архиву, — сказала Лада.
- Тогда пришлите архив мне.
- После проверки целостности. Часть записей повреждена.
- Он приблизился к пульту.
- У нас меньше полутора суток. Инспекция требует разгрузить станцию. Вы вместо этого защищаете ржавый клапан в пустом секторе. Объясните приоритет.
- Клапан связан с приводом переката. Потеря привода уменьшит защищаемую площадь сильнее, чем любая доступная эвакуация.
- Это тоже было правдой. На этот раз — почти всей.
- Герман перевёл взгляд на Яну.
- Вы принимаете это объяснение?
- Я принимаю зафиксированный технический риск до локальной проверки.
- Вы прибыли, чтобы проверить нас, а не помогать прятать неисправности.
- Поэтому я не разрешаю воздействовать на неизвестный узел только ради красивого графика.
- Герман выпрямился.
- Через двадцать минут жду план разгрузки. К-9 отключить физически до начала перегона.
- Физическое отключение охлаждения восточной дуги требует моего разрешения, — сказала Лада.
- Это приказ директора.
- Аварийный регламент разделяет полномочия. Вы определяете приоритеты станции. Я подтверждаю безопасную последовательность работ.
- После третьего привода вам особенно идёт разговор о безопасной последовательности.
- Яна не вмешалась. Лада была ей за это благодарна и одновременно злилась. За прозрачной перегородкой двое техников сделали вид, что заняты своими экранами.
- Именно после третьего привода, — ответила Лада, — я не подпишу отключение вслепую.
- Герман задержал на ней взгляд.
- Двадцать минут.
- Когда дверь закрылась, Яна убрала со стены инспекционный протокол.
- Третий привод?
- Не относится к К-9.
- Он использует его, чтобы заставить вас принять решение.
- Имеет право напоминать о моей ошибке.

— Это была ошибка?

— Я дала команду продолжать перегон после первого скачка нагрузки. Привод разрушило. Двое ремонтников получили травмы.

— Почему продолжили?

— Если бы остановились, западный жилой отсек вышел бы из расчётной защиты на восемь минут.

— То есть вы выбирали между двумя рисками.

— И выбрала неправильно.

— Потому что знали последствия?

— Потому что решила одна.

Яна помолчала.

— Сейчас вы снова решаете одна.

Это попало точнее, чем слова Германа.

— Я дала общине час.

— Вы дали себе час.

Лада отвернулась к схеме. На ней К-9 оставался серым. Невидимые люди не требовали воды, не занимали объёма, не голосовали. И пока сектор был серым, только она и Яна могли выбирать, какая часть правды выйдет наружу.

— Что вы предлагаете? — спросила Лада.

— Разделить неизвестность. Вы показываете мне инженерный расчёт и все ограничения. Я показываю вам текст отчёта до отправки. Мы не подменяем данные друг у друга и не получаем скрытый доступ к личным записям общины.

— А если не согласимся?

— Каждая действует в пределах своих полномочий и оставляет проверяемый след.

— Очень романтично.

Уголок рта Яны дрогнул.

— Я не уполномочена на романтику во время проверки.

— Удобное ведомство.

— Иногда невыносимое.

Короткая улыбка исчезла раньше, чем стала приглашением. Лада заметила это и вернулась к расчёту.

Они вывели рядом две панели. На первой Лада строила варианты рассредоточения, пока без имён и медицинских данных. На второй Яна составляла минимальный аварийный отчёт. Каждое допущение получало источник и срок действия.

Через семь минут пришли планы от Ады. Не через центральную сеть — на физическом накопителе, оставленном в сервисном шкафу. К схеме прилагалась записка: «Не все могут перейти. Нужны носилки, два кислородных концентратора, защита для беременности».

Лада перечитала последнюю строку.

— У них есть люди, которым рассредоточение не подходит.

— Тогда обезличенной численности недостаточно, — сказала Яна. — Нужны категории потребностей.

— С добровольным раскрытием.

— Да.

Яна добавила в проект отчёта требование организовать медицинский сбор без передачи диагнозов администрации. Это было маленькое изменение, почти канцелярское. Но впервые протокол не только обнаруживал людей — он оставлял им границу.

На пульте вспыхнуло новое сообщение. Центральная автоматика назначила повторную диагностику К-9 через шестнадцать минут. Не инспекционную — плановую аварийную. Отменить её могла только Лада, указав конкретный отказ оборудования, или Герман как директор.

Последовательность была другой: семь случайных импульсов давления и анализ встречных колебаний.

Рашид вернулся из коридора и, увидев экран, тихо выругался.

— Это не клапан проверяют, — сказал он. — Это новый поиск скрытых утечек. Обновление прилетело с последним пакетом прогноза.

Яна увеличила параметры.

— Можно отменить по риску охлаждения?

— Один раз, — ответил Рашид. — Потом автоматика изолирует подозрительную ветвь сама.

— Если запустить? — спросила Лада, хотя знала.

Рашид посмотрел на неровную линию расхода.

— Она увидит не утечку. Она увидит, как сектор дышит.

Отсчёт теста сменился с шестнадцати минут на пятнадцать пятьдесят девять.

Лада открыла канал к К-9.

На этот раз ей предстояло не придумать объяснение для старой лжи, а предупредить людей, что следующая проверка сделает ложь невозможной.

Глава 4. Чужая норма

На вызов из К-9 ответила Ада.

— У вас пятнадцать минут, — сказала Лада. — Потом автоматика начнёт импульсный тест. Один раз я смогу его остановить. После этого ветвь будет изолирована.

— Изолирована от воздуха?

— От компенсации. Вашего запаса хватит примерно на сорок минут, если все останутся внутри.

— Значит, не останемся.

За спиной Ады звучали голоса. Сима требовала закрыть внутренние клапаны; кто-то уже считал баллоны.

— Нужны категории потребностей, — сказала Яна. — Без имён и диагнозов. Кто может перейти сам, кому нужны носилки, кислород, усиленная защита.

— Вы хотите превратить нас в столбцы.

— Я хочу, чтобы в столбцах не потерялись те, кто не может бежать.

Ада помолчала.

— Через пять минут пришло.

Связь оборвалась, и почти сразу открылась дверь диспетчерской. Вошёл Митя Орлов, заведующий клиникой, в синем медицинском комбинезоне. Он нёс планшет обеими руками, словно тот был тяжёлым.

— Кто забрал у меня воду?

Лада проверила схему. Резерв клиники не двигался, но автоматика пометила четыре тонны как доступные для переката.

— Пока никто.

— Тогда почему аварийная модель предлагает слить стеновой бак?

Яна развернула экран так, чтобы он видел расчёт.

— Потому что в системе появился дополнительный защищаемый объём.

— Какой?

Лада успела подумать о ещё одной правдивой отговорке. Затем вспомнила третий привод.

— К-9 населён.

Митя не переспросил. Он сел.

— Сколько?

— Не меньше тридцати семи. Вероятно, шестьдесят три.

— Дети?

— Да.

Он закрыл глаза на секунду, потом открыл список клиники.

— У меня девятнадцать пациентов. Пятеро не могут покинуть койки. Двое после трансплантации костного мозга, один ребёнок на поддержке дыхания. Если вы сольёте воду из стены, их расчётная доза вырастет первой.

— Мы не приняли решение, — сказала Лада.

— Но уже ввели людей в модель, иначе вода не стала бы доступной.

— В локальную модель.

— Рад, что локальная смерть отличается от центральной.

Яна придвинула ему свободный терминал.

— Добавьте минимальные потребности клиники. Без имён.

— Моим пациентам не нужно скрывать имена.

— Тогда добавьте с согласия. Но расчёту нужны потребности, а не социальный статус.

Митя посмотрел на неё внимательнее.

— Вы инспекторка, которая должна была разгрузить станцию?

— Да.

— Начните с тех, кто может ходить.

— Транспортных мест меньше, чем людей в обеих группах риска. К тому же фронт может прийти раньше окончания рейсов.

— Значит, вы выбираете клинику.

— Нет. Мы прекращаем делать вид, будто выбор уже сделан нормой.

Пришёл пакет от Ады. Тридцать девять человек могли перейти самостоятельно; двенадцати требовалось сопровождение; шести — носилки. Два концентратора кислорода, четыре человека с повышенной чувствительностью к радиации, одна беременность. Ещё одна строка была помечена: «данные уточняются с согласия».

Митя прочитал список.

— Кто у них ведёт медицину?

— Женщина по имени Нора, — ответила Лада. — Я не знаю квалификацию.

— Свяжите меня.

— Сначала правила обмена, — сказала Яна. — Вы не передаёте данные администрации. Она не обязана раскрывать личность пациентов. Только необходимые условия перемещения и защиты.

— У меня через десять минут заберут стену, а вы предлагаете форму согласия?

— Именно когда страшно, границы нужны больше всего.

Митя сжал губы, затем кивнул.

Нора появилась на экране без изображения. Голос у неё был низкий и усталый.

— Я не отдам карты.

— Не прошу, — сказал Митя. — Назовите оборудование и допустимость перехода.

Они заговорили на коротком языке величин: поток, запас, время автономности, положение тела, предел ускорения носилок. Лада слушала, как две клиники, одна официальная и одна несуществующая, обнаруживают одинаковые ограничения.

Первое совпадение оказалось почти смешным: и у Мити, и у Норы было по одному исправному переходнику к старой маске, только резьба на них шла в разные стороны.

— У нас левый стандарт, — сказал Митя.

— У вас новый стандарт, — возразила Нора. — Левый был здесь до консервации.

— Новый действует девять лет.

— В К-9 девять лет никто не приходил с каталогом.

Лада открыла складской перечень. Переходников нужного типа числилось восемь. Семь лежали в запечатанном аварийном шкафу возле клиники, один — в учебном наборе пожарной смены. Чтобы выдать их К-9, требовалось назначить получателя и списать имущество на его запись.

— Я могу вскрыть шкаф по аварийному допуску, — сказал Митя.

— А получателем назначить себя, — предложила Яна. — До появления законной процедуры передачи.

— Тогда в журнале будет выглядеть, будто я забрал семь деталей для своей клиники.

— В журнале будет приложен открытый акт с назначением каждой детали.

Нора тихо спросила:

— А потом их потребуют назад?

Митя уже хотел ответить, но остановился. На станции вещи возвращали не потому, что они были нужны, а потому, что так замыкалась запись. Лада сама десятки раз требовала закрыть временную выдачу после ремонта.

— После фронта решим по фактической потребности, — сказала она.

— Нет, — отрезала Яна. — «Потом решим» означает, что сильная сторона оставляет себе право. Сейчас можно сказать только: возврат не является условием помощи. Дальнейшее использование — отдельное решение.

Митя посмотрел на неё, затем повторил в канал:

— Возврат не является условием помощи. Я оформлю выдачу на клинику и приложу назначение без имён. Подходит?

— Подходит, — сказала Нора после паузы.

Лада поймала себя на раздражении. Они тратили драгоценные минуты на семь металлических колец, когда над станцией приближался протонный фронт. Но именно эти кольца показывали, чего стоила фраза «перейдите в официальный сектор». Человек мог пройти коридор, а его дыхательный контур — нет.

Яна запросила схему маршрута из К-9 в клинику. Центральная система выдала самый короткий путь: шлюз К-9, северная галерея, грузовой подъёмник, медицинский тамбур. Время перехода — восемь минут двадцать секунд.

— Подъёмник не годится, — сказала Нора.

— Почему? — спросил Митя.

— После остановки он проседает на четыре сантиметра. Для здорового человека ничего. Для одной нашей пациентки — риск смещения фиксатора.

— Какого фиксатора?

— Тазового.

— После какой травмы?

— Это уже диагноз.

Митя потёр переносицу.

— Мне нужно понять допустимое положение.

— Горизонтально. Угол не больше пяти градусов. Продольный толчок не больше одной десятой.

— Этого достаточно.

Лада отключила подъёмник от маршрута. Система предложила лестничный обход и тут же пометила его недопустимым для носилок. Третий вариант шёл через техническую нишу восточной дуги, где ширина прохода в одном месте составляла семьдесят два сантиметра.

— Носилки семьдесят четыре, — сказал Митя.

— Наши шестьдесят восемь, — ответила Нора.

— Снимки крепления есть?

На экран пришла схема, нарисованная от руки поверх старого монтажного плана. Нора не показала пациентку и не назвала её, но отметила шесть точек поддержки, положение баллона и место, где ремень нельзя затягивать.

Митя увеличил рисунок.

— У вас поперечина держится на двух защёлках?

— На трёх. Третья снизу, её не видно.

— Тогда пройдёт. Но на повороте нужен человек у головы и двое снизу. Не сопровождающий родственник — обученные руки.

— У меня одна обученная смена.

— У меня две медсестры, которые смогут встретить у ниши.

— Ваши люди войдут в К-9?

Вопрос изменил комнату. Лада представила официальный медицинский комбинезон в узком коридоре «Тени», лица детей за перегородками и Симу, которая увидит не помощь, а начало захвата.

— До границы сектора, — сказала Яна. — Дальше только после отдельного согласия совета К-9 и самих медработниц. Никакой охраны, записи изображения или считывания идентификаторов.

— У наших дверей нет официальной границы, — сказала Нора.

Ада вернулась в канал:

— Есть жёлтая поперечина перед старой насосной. Мы считаем её границей. Встретимся там.

— Кто «мы»? — спросила Яна.

— Я говорю только о месте, — поправилась Ада. — Участников Нора назовёт после их согласия.

Лада внесла жёлтую поперечину как временную точку передачи. Система потребовала выбрать тип помещения. В списке были «шлюз», «склад», «санитарная зона», «контрольный рубеж». Ни одно название не описывало границу, которую признавали люди, но не станция.

Она выбрала «временная рабочая зона» и добавила примечание: «Доступ только по подтверждению обеих сторон». Поле приняло текст, хотя не умело исполнять его.

— Это не остановит дверь, — заметила Ада.

— Нет. Поэтому дверь останется в ручном режиме с вашей стороны. Из клиники дадут сигнал и будут ждать открытия.

— А если автоматика решит герметизировать галерею?

Рашид вывел последовательность створок. При радиационном предупреждении северная галерея делилась на три отсека; человек с носилками мог оказаться между двумя закрытыми дверями. Центральная модель считала это безопасным ожиданием на девяносто секунд. Для человека с кислородом и нестабильным фиксатором ожидание было ещё одной нагрузкой, которой не существовало в табличке.

— Поставлю медицинский маршрут выше учебной герметизации, — сказал он.

— На сколько времени? — спросила Яна.

— Пока не отменю.

— Тогда не ставьте. Задайте окно и условие закрытия.

Рашид недовольно выдохнул, но ввёл: пятнадцать минут после взаимного подтверждения, автоматическая отмена при разгерметизации любого соседнего отсека, ручная остановка с обеих сторон.

— Кто подтверждает со стороны К-9? — спросил он.

— Не я, — сразу сказала Ада. — Нора по медицинскому маршруту. Дежурный насосной — по двери.

— Два подтверждения?

— У вас клиника тоже не управляет шлюзами.

Рашид добавил второй ключ.

На карте короткий восьмиминутный путь превратился в семнадцатиминутный. Зато теперь у него были ширина каждого поворота, точки остановки, граница доступа и люди, способные отменить переход. Лада сохранила вариант отдельно от основного плана.

— Мы ещё никого не перемещаем, — сказала Нора. — Сначала я объясню пациентке варианты. Если она откажется, маршрут не используется.

— Даже если здесь защита лучше? — спросил Митя.

— Особенно тогда. Иначе это не предложение.

Он кивнул так, будто собеседница могла видеть.

В клинику пришло сообщение от одной из медсестёр: она согласна дойти до жёлтой поперечины, если получит карту возврата и собственный дозиметр. Вторая просила три минуты на разговор с семьёй. Митя не стал торопить ни одну.

Лада посмотрела на отсчёт до теста. Они потратили семь минут и пока не спасли ни одного человека. Зато перестали считать слово «может перейти» достаточным описанием.

До теста оставалось восемь минут.

Рашид наложил медицинские категории на карту убежища. Девять тонн, которых не хватало К-9, превратились в двенадцать: рассредоточение уменьшало потребность помещений, но безопасные маршруты и неподвижные люди требовали защищённых переходов.

— Можно взять семь тонн из бытового резерва, — сказал он. — Ещё пять — только клиника или ангар.

— Ангар, — одновременно произнесли Лада и Митя.

Герман ответил на запрос отказом. Страховой груз имел высший приоритет сохранности до отдельного решения директора.

— Тогда вода клиники, — сказал Рашид. — Другой массы рядом нет.

Митя встал.

— Нет.

— Я показываю вариант, не приказ.

— Для алгоритма это уже вариант. Через минуту он станет рекомендацией, через пять — необходимостью, а потом кто-нибудь скажет, что решение приняла система.

Лада отключила автоматическую оптимизацию. Красные зоны застыли.

— Теперь не скажет.

Митя не сел.

— Вы просите меня отдать защиту пациентов людям, которых я никогда не видел.

— Я прошу вас участвовать в расчёте общего риска.

— Нет, Лада. Вы просите согласиться, что чужая клиника равна моей. А я отвечаю за эту.

Из динамика донёсся голос Норы:

— И я отвечаю за эту.

Никто не сказал «мою» второй раз.

Яна вывела две колонки без названий секторов. В одной — девятнадцать пациентов, в другой — одиннадцать людей с особыми потребностями. Затем добавила время автономности, возможность перемещения и прогноз дозы.

— Если убрать названия, — сказала она, — какую норму вы примените?

Митя долго смотрел на цифры.

— Медицинскую сортировку нельзя проводить вслепую.

— Поэтому добавьте всё, что относится к исходу лечения. Не добавляйте регистрацию.

До теста оставалось четыре минуты.

Сима вошла в канал К-9.

— Мы перекрываем компенсацию сами.

— Не делайте этого, — сказала Лада. — Резкий спад подтвердит население так же точно, как тест.

— Зато центральная автоматика не получит наш ритм.

— Она увидит расход баллонов после повторного подключения.

— Значит, не подключимся.

— Ваших баллонов не хватит на фронт.

— Мы жили без ваших моделей.

Ада вмешалась:

— Мы жили внутри их воздуха.

За три минуты до теста Лада запросила единственную разрешённую отмену. Система потребовала причину. Она выбрала риск обратного клапана и подписала своим ключом.

Отсчёт исчез. Вместо него появилась жёлтая строка: «Повторная диагностика обязательна после локальной проверки. При отсутствии подтверждения — автоматическая изоляция».

Они выиграли не больше часа.

Митя завершил таблицу. При равномерном изъятии пяти тонн воды клиника сохраняла минимальный предел только в среднем сценарии. При верхнем сценарии защита становилась недостаточной и там, и в К-9.

— Я не дам согласия на слив, — сказал он. — Но дам доступ к обезличенным параметрам и поговорю с Норой о совместном размещении. Некоторые их пациенты могут перейти к нам, некоторые наши — в их внутренний отсек, если он действительно лучше защищён.

— Он лучше защищён неофициально, — сказала Нора. — Мы пятнадцать лет добавляли воду в северную стену.

Рашид пересчитал карту.

Красная область уменьшилась на треть.

— Вот ваша чужая клиника, — сказал он. — Она уже держит часть нашей нормы.

Лада посмотрела на неподвижную серую область ангара. За ней лежала масса, которой не позволяли касаться, пока две клиники делили воду в стенах.

— Мы не будем выбирать между ними, пока не проверим груз, — сказала она.

Яна сохранила расчёт в общий журнал.

— Тогда директор должен письменно подтвердить приоритет ангара над обеими группами пациентов.

— Он не подтвердит.

— Значит, придётся изменить приоритет.

В канале К-9 Сима потребовала отключить связь. Ада попросила оставить её открытой. Нора уже диктовала Мите размеры креплений для носилок.

Лада увидела, как возник первый общий маршрут — не из доверия, не из приказа и не из признания одной стороны другой. Просто два специалиста отказались считать чужих больных менее настоящими.

Но масса воды оставалась одной и той же.

А на схеме ангар по-прежнему был защищён лучше обеих клиник.

Глава 5. Девять тонн

Рашид убрал с экрана все цвета.

Красное успевало стать приказом раньше, чем человек понимал, что перед ним всего лишь расчёт. Зелёное обещало безопасность, которой не существовало. Он оставил серую схему кольца, белые числа и девять маленьких прямоугольников внизу.

— Вот столько нам не хватает, — сказал он.

Каждый прямоугольник означал тонну защитной массы. Не воды, не реголита и не бор-содержащих плит по отдельности — их приведённый эквивалент в том месте и в тот час, когда протонный фронт накроет «Грань».

Лада увеличила таблицу. После совместного размещения пациентов первоначальные двенадцать тонн снова превратились в девять. Семь можно было получить из бытового резерва восточной дуги. Ещё две — только из стены официальной клиники. При среднем прогнозе.

— А при верхнем? — спросила Яна.

Рашид добавил второй ряд. В нём было шестнадцать прямоугольников.

— При верхнем нам не хватает шестнадцати. И это после полного бытового слива. Я не учитывал ангар, потому что у нас нет состава груза и схемы его креплений.

— То есть девять тонн — удобное число, — сказала Яна. — Оно верно, пока буря ведёт себя удобно.

— Оно верно для наиболее вероятного фронта. Инженерия не умеет жить без вероятности.

— Инспекция тоже. Только в отчёте всегда остаётся тот, кто выбрал допустимый хвост распределения.

Лада посмотрела на часы: тридцать четыре часа двадцать одна минута. Через сорок семь минут автоматика потребует подтверждения локальной проверки клапана. Они могли снова сослаться на неисправность, но для этого пришлось бы подделать результат. После изоляции К-9 его воздух отделился бы от станции, и таймер общины начал бы считать уже не часы до бури, а минуты до удушья.

— Проведи нас через предел, — сказала она Рашиду. — Без оптимизации. Что физически не может быть сделано?

Он открыл модель привода.

Перекал называли системой так, словно это был один механизм. На самом деле вокруг жилых секторов шло кольцо из сорока восьми кассет. Одни были набиты спечённым реголитом, другие держали воду, третьи — дорогие лёгкие плиты с бором. Линейные приводы перемещали кассеты вдоль внешней оболочки, собирая защиту там, куда приходился фронт. Пока Солнце было спокойным, кольцо позволяло экономить массу. Во время бури оно превращало неподвижное убежище в медленное животное, которое подставляло панцирь под удар.

— Нельзя переместить больше двадцати восьми тонн за один цикл, — сказал Рашид. — Тридцать одну можно, если допустить перегрев третьего и четвёртого приводов. Мы уже знаем цену этого допущения.

Он не посмотрел на Ладу. От этого воспоминание стало точнее: удар, ушедшая вбок кассета, белая пыль теплоизоляции и две фигуры ремонтников на полу шлюза. Никто не погиб. Это не превращало решение в правильное.

— Дальше, — сказала она.

— Нельзя защитить переходы постоянно. Масса должна уйти с них в жилые объёмы за шесть часов до пика. После этого перемещение между дугами будет означать дозу выше нормы. Нельзя одновременно держать максимум над клиникой и К-9: они на разных сторонах

опорного узла. И нельзя быстро провести кассеты через северную опору, пока мы не знаем, что с ней сделали жители сектора.

— Мы её усилили, — отозвалась Сима из динамика.

Общий канал всё ещё работал. На экране не было её лица, только знак отсутствующего изображения.

— Чем? — спросил Рашид.

— Тем, что было.

— Мне нужен материал, сечение и карта швов.

— А мне нужно знать, кому уйдёт эта карта.

— Мне. И Ладе.

— Значит, директору через минуту.

Лада не стала обещать обратного.

— Без карты мы считаем опору повреждённой. Тогда быстрый перегон через неё запрещён.

— Запрещён кем?

— Физикой, Сима.

— Физика не составляет списки жильцов.

— Но ломает опоры независимо от регистрации.

Сима отключилась.

Ада осталась в канале.

— Я попробую получить схему, — сказала она. — Не обещаю.

Рашид свёл ограничения в одну строку. Даже если использовать семь тонн бытовой воды и взять две у клиники, средний сценарий оставлял запас менее трёх процентов. Любая остановка кассеты, новый пик или ошибка во времени фронта превращали этот запас в отрицательный.

— Девять тонн не спасают нас, — сказала Лада.

— Девять тонн дают шанс не превысить предел, — поправил Рашид. — Спасение — слово для финального отчёта.

На рабочем столе Яны вспыхнул входящий документ. Она прочла заголовок и повернула экран к остальным.

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН РАЗГРУЗКИ. РЕДАКЦИЯ 1».

Герман не стал ждать их расчёта.

В распоряжении станции оставались два прыжковых модуля и старый химический посадочник. Первый модуль вмещал двадцать четыре человека, второй — двадцать. Посадочник мог поднять двенадцать, но только до орбитального буксира, а тот ожидался через девять часов. Всего пятьдесят шесть мест при идеальном расписании. Повторный рейс был возможен лишь до начала радиационного предупреждения, время которого прогноз не гарантировал.

На «Грани» официально находились сто восемьдесят четыре человека.

С К-9 — двести сорок семь.

— Это не эвакуация, — сказал Рашид. — Это перестановка пятидесяти шести человек.

— Снижение нагрузки, — ответила Яна. — Вопрос — какой.

Документ уже содержал ответ. Первыми шли дети из официального реестра, затем пациенты клиники, затем специалисты критических систем и сопровождающие. В конце стояло: «Лица, не прошедшие идентификацию, к посадке не допускаются».

К-9 в списке не было даже как проблемы.

Лада перечитала строку дважды. Слова были аккуратными. Они не приказывали оставить шестьдесят три человека под фронтом. Они всего лишь определяли условие посадки, которое эти люди не успевали выполнить.

— Когда он успел? — спросила она.

— Метаданные: семь минут назад, — сказала Яна. — После отказа по ангару.

— Он знает число?

— В нашем отчёте только подтверждённый населённый объём. Без числа.

— Тогда почему запрет появился именно сейчас?

Яна переслала документ в общий журнал и добавила вопрос об основании идентификационного фильтра.

— Потому что неизвестные люди опасны для плана, — сказала она. — Не обязательно для станции.

Директор вызвал их сам.

Герман сидел в командном узле, но фон за ним был размытым. Он включил режим, скрывавший экраны, хотя Лада знала каждый из них.

— Я жду подтверждение локальной проверки, — сказал он вместо приветствия.

— Клапан исправен, — ответила Лада.

Рашид резко повернулся к ней.

— Тогда тест должен пройти, — сказал Герман.

— Тест подтвердит, что К-9 населён. Отключение ветви создаст прямую угрозу людям.

Наступила короткая тишина. Лада только что произнесла вслух то, что они до сих пор прятали в формулировках.

— Сколько? — спросил Герман.

— Сначала откройте состав страхового груза.

— Это не торг.

— Согласна. Это два параметра одной аварийной модели.

— Вы скрыли население станции от директора.

— Я обнаружила его меньше трёх часов назад.

— И не доложила немедленно.

— Я зафиксировала населённый объём в журнале инспекции, — сказала Яна. — Документ доступен вам в пределах аварийного допуска. Мы не передавали персональные данные, которых у нас нет.

Герман посмотрел на неё.

— Ваше предписание требует разгрузки.

— Оно требует снизить суммарный риск. План на пятьдесят шесть мест может быть частью решения. Фильтр по регистрации — пока нет.

— Я не посажу на модуль людей без проверки личности.

— Почему?

— Потому что я отвечаю за экипаж и орбитальную инфраструктуру.

— Тогда назовите конкретную угрозу, процедуру быстрой проверки и срок. Общего слова «безопасность» недостаточно.

Лицо Германа осталось спокойным, но фон внезапно стал резким. Режим скрытия отключился. На одном из экранов Лада увидела тот же список, только длиннее. Напротив фамилий стояли зелёные и жёлтые метки. У нескольких руководителей смены — зелёные, хотя они не относились к критическим специалистам.

— У вас уже есть персональная редакция, — сказала она.

Герман отключил изображение экрана, но поздно.

— Рабочая версия.

— По каким критериям?

— По непрерывности управления.

— Управления чем, если станция останется без ремонтников? — спросил Рашид. — У вас два диспетчера в первой волне и ни одного механика переката.

— Я не обязан обсуждать кадровый план с инженером расчётной группы.

— Зато обязаны показать, как он снижает риск, — сказала Яна. — Иначе я приостановлю его как неподтверждённую аварийную меру.

— На каком основании?

— На том же, по которому вы хотите изолировать К-9: действие меняет условия выживания людей. Оно должно иметь проверяемое основание.

Герман откинулся на спинку кресла.

— Хорошо. Дайте число.

— Шестьдесят три, — сказала Лада.

В канале послышался резкий вдох Ады. Сима не разрешала раскрывать численность директору. Лада почувствовала, как очередное решение закрывается за ней, но это ещё не было тем раскрытием, на которое имела право община. Это была цифра без имён, необходимая для расчёта. Она повторила про себя различие и не нашла в нём облегчения.

Герман медленно записал число.

— Тогда эвакуация незарегистрированного сектора невозможна.

— Эвакуация всей станции невозможна, — сказала Яна. — Регистрация этого не меняет.

— Но уменьшение незаконной нагрузки повышает шанс остальных.

— Люди не нагрузка, — отозвалась Ада.

Герман впервые заметил открытый канал.

— Кто это?

— Жительница К-9, — сказала Яна. — Она слышит решение, которое касается её.

— Отключите внешний доступ к командной связи.

— Это мой инспекционный канал. Вы можете подать обоснованный запрос.

— Вот обоснование: неизвестное лицо присутствует на аварийном совещании.

— Известное. Ада Лин, тридцать один год, механик водного контура, — сказала Ада. — Назвала себя добровольно. Если вам нужен номер записи, его нет.

Герман перевёл взгляд на Ладу.

— Вы понимаете, что делаете?

Она понимала только часть. Цифра «шестьдесят три» уже существовала вне К-9. Её нельзя было вернуть в тайну. Но по крайней мере рядом с цифрой появился голос.

— Пытаюсь получить расчёт, в котором никто не исчезает между строками.

— Вы не уполномочены представлять этих людей.

— Верно, — сказала Лада.

Это было важнее возражения.

— Я говорю только за инженерную модель. В ней двести сорок семь человек. Ада говорит за себя. Остальным нужен способ говорить самим.

Рашид вывел таблицу на общий экран.

— Пятьдесят шесть мест уменьшают потребность в защите примерно на четыре тонны, если вывозить людей из наименее защищённых мобильных групп. Если придерживаться вашего списка, выигрыш — меньше двух: часть пациентов займёт защищённые транспортные коридоры до самого старта, а критические специалисты всё равно должны вернуться к узлам.

— Значит, меняйте порядок, — сказал Герман.

— По регистрации или по влиянию на общий риск?

— Сначала официальные жители.

— Тогда вы выбираете статус, а не эффективность эвакуации.

— Я выбираю тех, за кого отвечает станция.

Ада засмеялась один раз, без веселья.

— Наш воздух вы учитывали пятнадцать лет. Наши ремонты тоже. Удобная ответственность.

— Незаконное подключение не создаёт обязательств.

— Оно создало вам работающий северный привод.

Лада слышала это прежде, чем успела остановить Аду.

Герман тоже.

— Что вы сказали?

— Ничего, — вмешалась Сима. Она вернулась в канал. — Ада не уполномочена говорить от общины.

— Зато я уполномочен закрыть сектор до выяснения, — сказал Герман.

— После фронта, — сказала Яна. — Любое принудительное перемещение сейчас увеличивает непосредственный риск. Я зафиксирую запрет как временную меру инспекции.

— Вы превышаете полномочия.

— Обжалуйте при восстановлении связи с управлением. До тех пор покажите груз и расчёт списка.

Герман завершил вызов.

На этот раз он не пригрозил Ладе третьим приводом. Ему больше не нужно было напоминать о старой ошибке: новая уже лежала перед всеми — шестьдесят три человека в секторе, которого не должно существовать.

Автоматика напомнила о тесте.

Лада открыла протокол локальной проверки. Клапан действительно был исправен. Она могла изменить одну цифру сопротивления и получить ещё несколько часов. Подпись осталась бы в журнале; во время бури никто не стал бы проверять. Если они выживут, проверили бы потом.

— Не делай этого, — тихо сказал Рашид.

— Я ещё ничего не сделала.

— Я знаю твой затылок, когда ты собираешься исправить мир десятичным знаком.

Яна стояла рядом, не заглядывая в терминал.

— Какие законные варианты?

— Подтвердить исправность — тест начнётся через три минуты. Не подтверждать — ветвь изолируют через двадцать семь.

— А третий?

— Перевести ветвь в населённую категорию. Тогда тест отменится как опасный.

— Что для этого нужно?

— Число людей и подпись ответственного инженера.

Сима заговорила сразу:

— Нет.

— Число уже у Германа, — сказала Ада.

— Число — не регистрация сектора.

— Для автоматики тоже не регистрация, — объяснила Лада. — Временный аварийный статус. Он попадёт в технический журнал и сохранит воздух. И сделает К-9 частью расчёта переката.

— А после бури станет доказательством.

— Да.

Слово повисло без оправданий.

— У нас двадцать семь минут, — продолжила Лада. — Я не подпишу за вас согласие на раскрытие. Но и не подделаю проверку. Решение должен принять К-9.

— Община не голосует за двадцать семь минут.

— Тогда автоматика решит вместо неё.

— Это шантаж временем.

— Это предел системы, который мы слишком долго не видели.

Сима отключила общий канал. Ада осталась ещё на секунду.

— Я соберу людей в мастерской, — сказала она. — Дайте нам всё время. Связь исчезла.

Рашид вернулся к девяти белым прямоугольникам.

— Даже если они согласятся, массы больше не станет.

— Зато станет известно, для кого её не хватает, — ответила Яна.

— Это утешает инспекторов?

— Нет. Это не даёт директору назвать отсутствующими тех, кого он решил не считать.

Лада снова открыла схему ангара. Его внешняя стена держала эквивалент четырнадцати тонн защиты сверх минимального режима. Часть могла приходиться на сам груз, часть — на заполненные технологические баки. Герман называл их страховым резервом, но отказывался показать, что именно они страхуют.

Внизу экрана появился новый приказ: начать предполётную подготовку двух модулей. Список пассажиров прилагался. Только официальные жители.

Через секунду Яна наложила на приказ приостановку до проверки критериев.

— Он обойдёт её, — сказала Лада.

— Тогда оставит след.

— След не остановит модуль.

— Поэтому нам нужен не только след.

Лада увеличила ангар до уровня крепёжных рам. Датчики массы отвечали, но внутренний манифест был закрыт директорским ключом. Между ангаром и кольцом переката находилась одна сервисная перемычка. Если резервные баки действительно были полны, их можно было подключить за четыре часа. Если там лежало оборудование, его собственная масса могла стать защитой — но только после расстыковки креплений. Если же ангар был пуст, они потеряли бы время.

— Запрос не сработал, — сказала она. — Значит, проверим физически.

— Без доступа? — спросил Рашид.

— Сначала с доступом. Я отвечаю за внешний контур и могу осмотреть сервисную перемычку.

— А когда дверь не откроется?

Лада посмотрела на таймер К-9. Двадцать четыре минуты до изоляции.

— Тогда зафиксируем, кто вручную изменил приоритет.

В эту секунду схема мигнула. Над ангаром зелёная рамка стала белой, а над клинкой появилась жёлтая. Кто-то в командном узле только что перевёл страховой груз из резервного приоритета в абсолютный. Теперь автоматика не могла предложить его даже в аварийном сценарии.

Девять белых прямоугольников остались на месте.

Но рядом с ними появилось имя человека, который решил, что они недоступны.

Глава 6. Пустой ангар

До изоляции К-9 оставалось двадцать три минуты.

Лада вывела таймер на наручный экран и закрыла расчёт девяти недостающих тонн. Число всё равно шло рядом, невидимое и тяжёлое, будто она несла эти девять тонн на плечах.

— Рашид, остаёшься у модели. Если «Тень» согласится на временный статус, сразу включай К-9 в населённую нагрузку. Никаких автоматических рекомендаций без ручной проверки.

— А если не согласится?

— За три минуты до отсечки предупреди меня и Яну. Потом не трогай ничего один.

Он кивнул. После третьего привода такие слова между ними звучали не как осторожность, а как договор.

Яна уже затягивала ворот лёгкого аварийного комбинезона.

— Внешний контур ангара входит в твою зону обслуживания?

— Сервисная перемычка, теплообменник и узел подключения к перекату — да. Внутреннее хранилище закрыто директорским допуском.

— Значит, осматриваем только то, к чему у тебя есть законный доступ.

— Ты говоришь это мне или своему регистратору?

— Обоим.

Лада ожидала улыбки, но Яна лишь проверила, горит ли индикатор записи на воротнике. У неё была раздражающая способность превращать границу в физический предмет: вот здесь можно стоять, вот здесь нельзя; вот эти данные необходимы, а эти хочется получить, но права на них нет. Рядом с ней Ладе всё чаще приходилось замечать, сколько решений она прежде принимала в серой полосе между «могу» и «успею объяснить потом».

Они вышли в западную галерею. В обычный день она служила дорогой к посадочным шахтам, и по ней непрерывно шли контейнеры, люди, ремонтные тележки. Теперь движение разделили ограждения. В одну сторону торопились пассажиры с мягкими сумками, вызванные на предварительный сбор; в другую техники катили к модулям баллоны и проверочные стенды. Над каждой дверью мигал янтарный знак солнечного предупреждения.

Лада узнала среди ожидающих заведующую архивом. Та держала сумку обеими руками и смотрела в пол. Рядом стоял один из диспетчеров Германа, мужчина моложе тридцати, которого Лада никогда не видела у аварийной консоли. Зелёная полоса допуска уже светилась на его рукаве.

Яна тоже заметила её взгляд.

— Приостановка списка действует, — сказала она.

— Людей всё равно собирают.

— Сбор не вылет. Пока.

— У тебя на всё есть слово, которое делает опасность ещё не случившейся.

— У тебя на всё есть инструмент, который хочется применить до разрешения.

Они посмотрели друг на друга дольше, чем требовал обмен колкостями. Взгляд Яны был усталым, но не холодным. Лада первой отвернулась к шлюзу.

У входа в сервисную перемычку их ждали двое охранников станции. Не силовая группа — обычная внутренняя смена, привыкшая искать пропавшие терминалы и разводить пьяные ссоры после прибытия грузов. Старшую звали Зоя. Две недели назад Лада меняла ей светильник над постом, потому что заявка трижды исчезала в очереди.

— Приказ директора, — сказала Зоя, не поднимая глаз. — Ангар закрыт до окончания аварийного режима.

— Покажи формулировку.

Зоя переслала приказ. В нём запрещался вход во внутренний объём и вмешательство в страховую груз. О внешнем контуре не было ни слова.

— Мы идём к теплообменнику и узлу аварийного подключения, — сказала Лада. — Это обязательный осмотр перед перегонем массы.

— Сказано никого не пускать.

— Тебе сказано устно. А подписано другое, — заметила Яна.

Зоя наконец посмотрела на неё.

— Инспектор Ветрова, директор велел не признавать вашу приостановку до подтверждения с Земли.

— Связь с Землёй ещё есть. Пусть запросит подтверждение. Пока запрос идёт, письменные полномочия действуют.

— Я не юрист.

— Поэтому не толкуй приказ шире текста.

Лада приложила браслет к считывателю. Панель опознала её как главную инженерку переката, но дверь не открыла. Поверх зелёной отметки доступа легла белая полоса абсолютного приоритета.

— Блокировка поставлена четыре минуты назад, — сказала она. — После нашего запроса на осмотр.

Яна приблизила регистратор к панели.

— Автор?

— Командный узел. Персональный ключ скрыт аварийным мандатом.

— Можно определить терминал?

— Если войти в журнал внешнего контура. На него блокировка не распространяется.

Зоя поморщилась.

— Если вы откроете эту дверь обходом, я обязана вас задержать.

— Обхода не будет, — сказала Лада.

Она сняла со стены крышку сервисного терминала. Под ней располагался экран размером с ладонь и два механических разъёма. Лада подключила свой браслет только для чтения. Система показала последовательность команд: страховой ангар переведён в абсолютный приоритет; аварийный отбор массы запрещён; доступ внешнего обслуживания ограничен. Все три команды пришли из командного узла, но последняя прошла не с директорского кресла.

— Терминал КУ-4, — сказала она. — Резервное место оператора переката.

— Кто вошёл?

— Вот этого журнал не показывает. А должен.

Строка персональной подписи была пустой. Вместо неё стоял старый служебный сертификат: «ПНР-ПЕРЕКАТ».

Лада перечитала дважды.

— Пусконаладочный ключ, — объяснила она. — Его должны были отозвать после сдачи станции.

— Мог остаться случайно?

— Пятнадцать лет, через четыре обновления системы? Нет.

Зоя шагнула ближе к экрану.

— Это взлом?

— Это действующий ключ, которого не должно быть. Хуже. Система считает его законным.

Яна сохранила журнал в инспекционное хранилище и тут же отправила контрольную сумму в общий аварийный канал.

— Теперь запись нельзя тихо заменить, — сказала она. — Но она не доказывает, кто нажал кнопку.

— Доказывает, что приоритет сменили вручную после запроса.

— Да.

Из-за двери донёлся низкий удар. Потом ещё один, слабее. Охранники одновременно обернулись.

— Там кто-то есть? — спросила Зоя.

— Датчики присутствия показывают ноль, — ответила Лада.

Она открыла схему теплообменника. Давление в жидкостном контуре колебалось с частотой грузового манипулятора. Внутри что-то перемещали.

— Или автоматика работает без людей, — сказала Яна.

— Погрузочные роботы были отключены, когда ангар законсервировали.

— Тоже пятнадцать лет назад?

— Этот ангар не законсервирован. Его просто называют резервным, чтобы никто не задавал вопросов.

Лада перешла к соседней панели. Для осмотра теплообменника не требовалось входить в ангар: узкая сервисная шахта огибала его снаружи и выходила к рамам через смотровые порты. Люк шахты письменный приказ не закрывал.

Зоя прочла документ ещё раз и отступила.

— Пять минут, — сказала она. — И я иду с вами.

— Ты останешься снаружи, — возразила Лада. — Шахта рассчитана на двух человек.

Если заклинит люк, третий должен открыть его отсюда.

— Удобно.

— Безопасно.

Зоя посмотрела на Яну.

— Она сейчас говорит правду?

— Да, — ответила та. — Я проверила паспорт шахты до прихода.

Лада поймала себя на коротком, неуместном облегчении. Яна проверила заранее не её, а маршрут, но разница почему-то имела значение.

Они вошли в шахту. Здесь нельзя было выпрямиться полностью. Под коленями дрожали трубки охлаждения, над головой тянулись рельсы датчиков. Свет включался секциями и сразу гас позади, будто станция экономила не энергию, а расстояние.

Через первый смотровой порт Лада увидела внутренний объём ангара.

Он казался пустым.

Серебристый пол уходил к дальней стене на сорок метров. В центре стояли три длинные транспортные рамы, каждая накрытая серым чехлом. Вдоль стены — шесть баков, слишком маленьких, чтобы дать девять тонн воды, даже если они были полны. Большая часть дорогого защищённого пространства не хранила ничего, кроме ровных полос света.

— Четырнадцать тонн дополнительной защиты ради трёх грузовых рам, — тихо сказала Яна.

— И шести буферных баков. По паспорту — по восемьсот литров каждый.

— Четыре целых восемь десятых тонны воды.

— Если это вода.

Лада приложила диагностический щуп к трубе. Температура жидкости была ниже расчётной, плотность — выше. Борированный раствор. Его использовали в перекате как защитную массу, но не в бытовом контуре.

— Четыре с половиной тонны полезной защиты, — сказала она. — Остальное можно взять с внешней стены. Не всё, но достаточно, чтобы закрыть средний сценарий вместе с бытовым резервом.

— Почему баки не обозначены на общей схеме?

— Потому что подключены как термокомпенсаторы ангара. Формально они часть оборудования, а не запас.

— Формально, — повторила Яна.

Второй удар прокатился по рамам. Один из серых чехлов дрогнул. Из-под него выехал низкий погрузчик без кабины, повернул на месте и замер, направив сенсорный блок к стене.

— Робот всё-таки включён, — сказала Яна.

— И только что переставил одну из рам ближе к защищённому ядру.

— Чтобы груз получил меньшую дозу?

Лада посмотрела на положение кассет внешней стены. После смены абсолютного приоритета перекач начал стягивать их не равномерно вокруг ангара, а к трём точкам напротив рам. Пустой пол оставался за толстой защитой лишь потому, что системе приказали считать весь объём неделимым.

— Не ангар защищают, — сказала она. — Только груз. Но в модели ему присвоили весь сектор.

Она увеличила изображение через оптический датчик. На ближайшем чехле не было знака клинического резерва, опасного вещества или аварийного снабжения. Только номер концессионного актива и предупреждение не вскрывать без представителя владельца.

Яна записала номер.

— Можно узнать манифест по реестру имущества?

— После восстановления связи, если концессия даст доступ.

— А сейчас?

— Сейчас мы знаем, чем груз не является. Медицинский резерв маркируется иначе. Воздух, вода и аварийное питание тоже.

— Но не знаем, что под чехлом.

— Не знаем.

Лада сказала это нарочно. Ей хотелось продолжить: открыть технический люк, просунуть камеру, найти крепёжный паспорт. Она даже видела защёлку на раме. Но защёлка находилась по другую сторону стены, внутри закрытого объёма.

Яна не остановила её. Просто ждала.

— И не узнаем без законного доступа, — добавила Лада.

— Пока не узнаем.

От этой поправки граница перестала казаться капитуляцией.

На браслете вспыхнул вызов Рашида.

— Семнадцать минут, — сказал он. — К-9 просит полный текст временного статуса. Сима хочет знать, кто увидит число и можно ли отменить запись после фронта.

Лада опёрлась плечом о стенку шахты.

— Число увидят аварийная автоматика, инженерная смена, инспекция и директор. Из журнала его не удалить. После фронта статус можно закрыть, но запись о том, что он был, останется.

— Передать дословно?

— Да. И добавь: статус не даёт согласия на передачу имён, осмотр жилищ или эвакуацию. Только признаёт присутствие шестидесяти трёх людей для воздуха и защиты.

Яна подняла палец.

— Инспекция подтвердит эти пределы своим предписанием.

Рашид услышал.

— Сима спросит, сможет ли Герман отменить предписание.

— Сможет попытаться, — сказала Яна. — Я не обещаю того, что не удержу. Но отмена тоже останется в журнале.

— Передам.

Связь закрылась. Таймер продолжил отсчёт.

Лада двинулась к третьему порту. Отсюда был виден узел подключения баков. Труба уходила не только в охлаждение: под слоем старой изоляции обнаружился тройник с заглушённой ветвью в сторону кольца переката.

— Они были рассчитаны на отдачу массы, — сказала она.

— Значит, Герман солгал, когда назвал груз недоступным технически?

— Он сказал, что доступ запрещён условиями страхования. Технически — ничего.

— Хорошая ложь оставляет рядом достаточно правды.

Лада сфотографировала заводскую маркировку тройника и сверила диаметр.

— Подключить можно за четыре часа, если клапан рабочий. Снять часть внешних кассет — ещё два. Мы успеваем до закрытия переходов, но работу надо начинать сейчас.

— Без разрешения директора?

— С письменным аварийным обоснованием. Мой запрос, твоя оценка риска, решение совета станции.

— Совета, который Герман собирает сам.

— Тогда пусть откажут под своими именами.

Яна внимательно посмотрела на неё.

— Это не попытка создать бумажный след вместо действия?

— Нет. Пока они отвечают, мы готовим инструменты снаружи. К закрытой арматуре не прикасаемся.

— А если откажут?

— Тогда у нас будет точное решение, против которого можно применять аварийные полномочия, а не догадка о чужих мотивах.

— Учишься.

— Не привыкай.

На этот раз Яна улыбнулась. Совсем ненадолго, но в тесной шахте это оказалось заметнее любого прикосновения.

Внешний люк за ними лязгнул. Голос Зои пришёл по интеркому:

— Директор требует прекратить осмотр. Говорит, вы вмешиваетесь в работу защищённого оборудования.

— Мы ничего не включали, — ответила Лада. — Пусть пришлёт письменный запрет на диагностику узла переката во время радиационной угрозы.

— Уже прислал.

На экране появился документ. Герман запретил дальнейшее обследование, сославшись на риск повреждения страхового имущества. Внизу стояла его личная подпись.

Яна сохранила приказ.

— Теперь выходим, — сказала она.

— Мне нужен анализ клапана.

— Ты его уже сделала. Четыре с половиной тонны раствора, подготовленная ветвь, возможный срок подключения — четыре часа. Всё остальное потребует вмешательства.

Лада ненавидела, когда чужая точность совпадала с её собственной.

Они выбрались из шахты. Зоя закрыла люк и поставила пломбу. Второй охранник всё время смотрел не на них, а на внутреннюю дверь, за которой робот снова передвигал неизвестный груз.

— Там правда почти пусто? — спросила Зоя.

— Большая часть объёма пуста, — сказала Лада. — Есть три закрытые рамы и защитный раствор. Мы не вскрывали груз.

— А людей из клиники собираются класть по двое в транспортных нишах.

— Я знаю.

Зоя коснулась пломбы, будто проверяя, хорошо ли та держится.

— Я выполняю приказ.

— Поэтому приказ должен быть точным, — ответила Яна. — И подписанным.

Они уже отходили, когда панель доступа снова мигнула. Белая рамка абсолютного приоритета исчезла на секунду, сменилась зелёной, затем вернулась. В журнале возникла новая команда с того же пусконаладочного ключа.

Лада остановилась.

— Кто-то проверяет, можем ли мы снять блокировку.

— Из командного узла?

— Нет. Сигнал пришёл локально.

Она приложила браслет к сервисному терминалу и увидела маршрут команды. КУ-4 значился лишь точкой авторизации. Сам пакет родился здесь, в контроллере ангара, и прошёл через старый скрытый канал обслуживания.

— Значит, человек внутри? — спросила Зоя.

— Датчики по-прежнему показывают ноль.

— Робот?

— Робот не имеет права менять приоритет переката.

Яна приблизилась к экрану.

— Кто имеет?

— Тот, у кого есть пусконаладочный ключ и физический доступ к контроллеру. Или тот, кто пятнадцать лет назад оставил себе оба.

Вызов Рашида прервал их.

— Восемь минут. Они закончили собрание.

Лада перестала смотреть на белую рамку.

— Решение?

— Сорок один за временный статус, шестнадцать против, шестеро воздержались. Сима требует записать, что голосование проведено под угрозой автоматической изоляции. Ада требует записать, что без статуса их всё равно уже включили в директорский расчёт как незаконную нагрузку.

— Запиши обе формулировки, — сказала Лада. — Ничего не сглаживай.

— Кто подпишет со стороны К-9?

Она посмотрела на закрытую дверь ангара, на охранников, на имя Германа под приказом и на пустое поле подписи под ручной командой.

— Не один человек. Приложи протокол голосования без имён и две подписи счётной группы. Моя подпись будет только инженерной: статус нужен, чтобы автоматика не отключила воздух. Яна отдельно укажет пределы использования данных.

— У нас семь минут.

— Начинай форму. Мы идём.

Они побежали обратно по западной галерее. Людей у посадочной шахты стало больше. Кто-то уже раздавал им белые транспортные браслеты, хотя вылет всё ещё был приостановлен. Лада не остановилась: сейчас у неё было решение шестидесяти трёх людей, и срок его жизни измерялся минутами.

Рашид встретил их у терминала. На главном экране горела форма временного статуса. В поле «наименование объекта» он написал не «незаконное подключение» и не «законсервированный сектор», а просто «К-9».

Под протоколом стояли две метки счётной группы: Ады и женщины по имени Нора. Сима подписи не дала, но её возражение было внесено полностью.

— Три минуты сорок секунд, — сказал Рашид.

Яна добавила приложение: численность могла использоваться только для жизнеобеспечения, расчёта защиты, медицинской помощи и добровольной эвакуации; статус не разрешал сбор имён и принудительное перемещение.

Лада проверила числа. Шестьдесят три жителя. Общая нагрузка станции — двести сорок семь. Воздух К-9 не отключать. Включить сектор в аварийную модель переката.

Раньше она подписала бы всё одним движением, потому что времени мало. Теперь прочла вслух каждую строку. Рашид подтвердил технические параметры. Яна — пределы данных. Из динамика Ада сказала:

— Подтверждаю решение собрания. Не подтверждаю, что выбор был свободен от угрозы.

— Внесено, — ответила Лада.

Она поставила инженерную подпись.

На отметке в одну минуту двенадцать секунд автоматика отменила изоляцию ветви. Схема К-9 впервые окрасилась тем же голубым, что остальные жилые отсеки.

Никто не поздравил друг друга.

В расчёте переката появились новые красные зоны. Система честно показала то, что скрывалось раньше: при текущем распределении защиты К-9 получал дозу выше аварийного предела, клиника приближалась к нему, а страховой ангар оставался зелёным.

Лада загрузила результаты осмотра: четыре с половиной тонны борированного раствора, подготовленный аварийный тройник, три рамы неизвестного имущества, большая часть объёма пуста. Затем составила запрос совету станции о снятии абсолютного приоритета и начале подключения баков.

К запросу Яна приложила приказ Германа и журнал ручных команд. Рашид — расчёт, в котором масса ангара закрывала средний сценарий дефицита.

Ответ пришёл не от совета.

Пусконаладочный ключ снова изменил схему. На этот раз он не просто закрепил защиту ангара. Он поднял приоритет трёх грузовых рам выше командного узла, клиники и всех жилых отсеков. Автоматика приняла приказ как старшее правило, заложенное при строительстве станции.

Рядом с белой строкой не было имени.

Но теперь Лада знала две вещи. Ангар был почти пуст. И кто-то на «Грани» считал то небольшое, что в нём лежало, важнее двухсот сорока семи людей.

Глава 7. Рождённая на Луне

На схеме станции К-9 стал голубым, но дверь в него по-прежнему открывалась через тесный сервисный лаз.

Лада ползла первой. За спиной Яна старалась не задевать регистратором кабеля, а за ней Митя толкал герметичный контейнер с датчиками и лекарствами. Официальный переход оставался запечатанным. Временный статус признал воздух и тела, но не создал коридора там, где пятнадцать лет стояла заглушка.

Ада встретила их у внутренней решётки.

— Сима против вашего прихода, — сказала она.

— Тогда зачем открыла?

— Потому что сорок один человек проголосовал не только за строку в журнале. Они хотят, чтобы вы увидели, что включили в расчёт.

— Все помещения нам показывать не обязаны, — сказала Яна. — Для модели нужны защищённые объёмы, число мест и инженерные узлы. Для медицины — только условия перемещения.

Ада посмотрела на неё с недоверием, но отступила.

После первого визита Лада запомнила К-9 как цепь полутёмных коридоров, влажное тепло теплицы и лица, появлявшиеся в дверях. Теперь она увидела систему. На стенах цветные полосы обозначали маршруты: синяя вела к воде, жёлтая — к мастерским, зелёная — к медицинскому отсеку. Красная обрывалась перед заваренной переборкой северной опоры.

— Красная куда ведёт? — спросила она.

— Старый грузовой ход, — слишком быстро ответила Ада. — Не используется.

Лада отметила ответ, но не остановилась. Сейчас Ада вела их в другую сторону.

За круглой дверью бывшей кладовой оказалась школа. Вдоль стен стояли четыре узких стола разной высоты. На переборке мелом были нарисованы Земля и Луна, причём Земля выглядела неправдоподобно большой и зелёной. Над рисунком шла задача: рассчитать скорость тележки после отказа одного магнитного захвата.

У доски стояла девочка лет двенадцати. Длинные ноги казались слишком тонкими для взрослого рабочего комбинезона, обрезанного по росту. Она не села при виде посторонних.

— Это Ия, — сказала Ада. — Она родилась здесь.

Яна выключила направленную камеру на воротнике.

— Регистратор продолжит писать звук, если ты согласна, — сказала она девочке. — Изображения не будет.

— А если не согласна?

— Выключу запись полностью.

Ия посмотрела на Аду, затем на Ладу.

— Тогда вы сможете сказать, что школы не было?

— Школу можно зафиксировать без тебя, — ответила Яна. — Твоё лицо для этого не нужно.

— Звук оставьте.

На столах лежали разобранные клапаны, листы с уравнениями и напечатанные рассказы. Не временное укрытие, не случайная стоянка людей, пережидających проверку. Здесь кто-то годами решал, чему должен научиться ребёнок, чтобы жить в секторе, которого нет.

— Сколько детей родились на «Грани»? — спросил Митя.

— Девять, — ответила Ада. — Семеро сейчас здесь. Двое уже взрослые и работают в мастерской.

— У них есть медицинские записи?

— У Норы. Не в вашей системе.

— Мне нужны не записи, а риски эвакуации. Кто-нибудь проходил центрифугу или длительную нагрузку выше лунной?

Ада покачала головой.

Митя поставил контейнер на стол и открыл таблицу.

— Тогда посадка в модуль — не просто свободное место. Стартовая перегрузка, стыковка, потом неизвестный срок на орбите. Для детей, родившихся при одной шестой земной тяжести, риск нельзя считать тем же, что для взрослых, недавно прибывших с Земли.

— Они не полетят, — сказала женщина у дальней стены.

Лада не заметила, когда она вошла. Нора держала руки в карманах старого медицинского халата.

— Если оставаться опаснее, придётся сравнивать, — сказал Митя.

— С чем? С депортацией?

— С дозой во время фронта.

— Для вас рейс заканчивается на орбитальном буксире. Для нас — нет. После проверки их отправят вниз.

Яна не стала спорить.

— Что произойдёт на Земле?

— Сначала карантин. Потом идентификация родителей, которой у части нет. Потом вопрос, кто разрешил рождение. Потом медицинская комиссия решит, что возвращать ребёнка на Луну опасно.

— Это предположение или у вас есть предыдущий случай?

Нора сжала губы.

— Четыре года назад отсюда вывезли мальчика с повреждением глаза. Ему было шесть. Лечили на орбите, затем отправили на Землю. Назад не разрешили.

— Где он сейчас? — спросила Яна.

— В учреждении под Архангельском. Мать слышит его раз в месяц с задержкой связи. Она здесь.

Ия стёрла край зелёной Земли рукавом.

— Там нельзя прыгать, — сказала она.

— На Земле? — спросила Лада.

— Говорят, сначала вообще нельзя ходить. Потом можно, но всё тяжёлое. Даже голова.

Лада привыкла думать об эвакуации как о векторе: из зоны большей дозы в зону меньшей. Инженерная стрелка не показывала, что происходит с человеком после прибытия. В списке Германа место в модуле считалось безусловным спасением. Для Ии оно могло стать дорогой, по которой она никогда не вернётся домой.

— Я не могу обещать, что никто не потребует эвакуации, — сказала Яна. — Но могу внести в оценку последствия разлучения, медицинский риск и отсутствие гарантии возврата.

— Бумага против модуля? — спросила Нора.

— Бумага определяет, имеет ли кто-то право затолкнуть ребёнка в модуль ради красивой цифры спасённых.

— А если здесь она получит дозу?

— Тогда нужен выбор между известными рисками, а не между приказом и неповиновением.

Ада кивнула на дверь.

— Школа — не самое важное. Идёмте.

Мастерские занимали бывший узел сборки внешних панелей. Здесь потолок был выше, а воздух пах металлом и смазкой. На стендах лежали детали, которых официальная ремонтная служба ждала месяцами: направляющие ролики переката, корпуса насосов, керамические

вставки теплообменников. На каждой стояла маленькая метка мелом — дата и две буквы проверяющего.

Рашид подключился по связи, когда Лада направила камеру на ближайший ролик.

— Это наши? — спросил он.

— Похожи.

Ада взяла деталь и повернула к свету.

— Не похожи. Ваши. Мы восстановили напыление и заменили сердечник.

— В официальном журнале такие ролики списаны.

— Поэтому вы не спрашивали, откуда появляются исправные.

Лада провела пальцем по кромке. Работа была грубой снаружи, но рабочая поверхность выведена точно.

— Кто рассчитывает допуски?

— Я. До меня — Тихон. До него — люди, которые строили кольцо.

— А проверки?

— Двое мастеров независимо. Иногда ваш датчик, если удаётся подключиться.

— Иногда? — переспросила Яна.

— Без выгрузки результатов в центральный журнал.

— То есть вы ремонтировали критические детали без сертификации, а официальная служба ставила их, не зная происхождения, — сказала Лада.

— Официальная служба находила их в ящике возврата после ночной смены. Вы могли выбросить.

— И остановить перекач.

— Но не остановили.

В словах Ады не было торжества. Только усталость человека, слишком долго выполнявшего необходимую работу так, чтобы получатель мог не замечать исполнителя.

На дальнем стенде двое молодых механиков собирали насос. Один из них был тем самым взрослым, родившимся в К-9. Его звали Лев, ему исполнилось девятнадцать. Он никогда не выходил на поверхность и не проходил официального обучения, но объяснил Рашиду причину вибрации четвёртого привода быстрее, чем Лада успела открыть спектрограмму.

— У вас смещение не в подшипнике, — сказал он. — Рама отдаёт через северный шов. На малой скорости не видно, после шестидесяти процентов появляется боковая гармоника.

— Откуда у тебя данные? — спросила Лада.

Лев посмотрел на Аду.

— Слушаем корпус.

— Прибором?

— Сначала ухом. Потом прибором.

— Покажи записи.

Он принёс старый накопитель. На нём хранились годы измерений — без имён операторов, но с датами, режимами и температурами. Лада нашла последние циклы. Боковая гармоника действительно росла. В официальном журнале её сгладил фильтр, настроенный на нормальную геометрию кольца.

— Почему вы не передали это раньше?

Ада рассмеялась.

— Куда? В форму для зарегистрированных подрядчиков?

— Через ремонтные заявки.

— С устройства К-9?

Лада замолчала.

Рашид попросил копию спектров. Лев согласился передать технические данные при условии, что в журнале не появится источник. Яна вмешалась:

— Источник можно обозначить как локальную мастерскую К-9. Совсем без происхождения данные сочтут подложными.

— А с происхождением нас сочтут преступниками, — сказал Лев.

— После временного статуса существование мастерской уже нельзя сохранить полностью тайным. Но имена работников не нужны.

— Вам легко отделять человека от данных.

Яна выдержала его взгляд.

— Нет. Просто если не отделить сейчас, Герман получит либо ваши имена, либо повод отвергнуть измерения. Я предлагаю третье.

Ада взяла накопитель у Льва и протянула Ладе.

— Только спектры привода и карта частот. Остальное не копировать.

Лада могла снять весь массив за несколько секунд. Она включила режим выборочного импорта и повернула экран так, чтобы Ада видела список файлов.

— Подтверждай каждый пакет.

Они перенесли двенадцать записей. Три Ада отклонила. Лада не спросила, что в них.

На выходе из мастерской Ия догнала их и вручила Ладе сложенный лист.

— Это что?

— Задание про тележку. Там ответ неправильный, потому что в условии не сказано, куда её потом везут.

Лада развернула лист. Под аккуратными вычислениями Ия приписала: «Остановка тоже является движением, если место вокруг меняется».

— Кто тебя этому научил?

— Мама говорит. Она была на Земле маленькой. Потом вернулась сюда и говорит, что дом — это не где легче стоять.

— Где она?

Ия показала на красную полосу, уходящую к заваренной переборке.

— На опоре. Они опять заполняют щель.

Ада резко обернулась.

— Ия, иди к Норе.

Девочка поняла ошибку, но было поздно.

Лада посмотрела на красную полосу. У входа в грузовой ход горела свежая пыль, а на полу виднелись следы тележки. Ход использовали сегодня.

— Ты сказала, он закрыт, — произнесла она.

— Я сказала, что он не используется.

— Это не одно и то же, и ты это знаешь.

— Знаю.

Яна не включила камеру. Регистратор оставался направленным в пол.

— Что за щель? — спросила она.

Ада сжала накопитель в ладони.

— Сначала вы должны поговорить с людьми о списке.

— Опора определяет, выдержит ли станция перегон, — сказала Лада. — Это нельзя обменивать на обещание.

— А детей можно обменивать на места в модуле?

— Нет.

— Тогда скажите это не мне.

Из бокового коридора вышла Сима. На её рукаве была серая пыль, а у запястья темнело влажное пятно. За ней двое взрослых толкали пустую тележку с мешалкой для ремонтного состава.

— Экскурсия закончена, — сказала она.

— Северная опора повреждена сильнее, чем вы сообщили, — ответила Лада.

— Мы сообщили, что усилили её.

— Чем?

— Тем, что держит пятнадцать лет.

— А сегодня вы заполняете новую щель.

Сима посмотрела на Ию. Девочка уже скрылась за дверью школы.

— Температурный шов работает, — сказала Сима. — После каждого цикла его проверяют.

— Карта деформации.

— Нет.

— Без неё я запрещу быстрый перегон через северный узел.

— Вы уже запретили.

— Тогда защита К-9 не успеет занять расчётное положение до фронта.

— Значит, заберите массу у ангара.

— Я пытаюсь. Но даже она должна пройти по кольцу. Если опора не выдержит, кассеты заклинят между секторами, и защиты не получит никто.

Сима подошла ближе.

— Вы хотите, чтобы я отдала вам единственное, что не позволило станции разобрать нас по одному. Схему ремонтов, имена мастеров, доказательство доступа к вашему оборудованию.

— Мне не нужны имена.

— Герману понадобятся.

— Технические данные можно отделить, как записи Льва.

— Сегодня можно. После бури ваш временный статус станет постоянным делом. Каждый файл будет вопросом: кто сделал, кто разрешил, кто украл материал.

Лада хотела сказать, что кража остаётся кражей, а неучтённый ремонт критической конструкции — угрозой. Оба утверждения были правдой. Но рядом стояла школа, где ребёнок решал задачи на обороте старых грузовых накладных, и мастерская, без которой официальный пережат, возможно, уже остановился бы.

— Я не обещаю, что вопросов не будет, — сказала она. — И не обещаю защитить вас от любого расследования. Но сейчас решение о вашей опоре влияет на всех двести сорок семь человек. Его тоже нельзя принимать тайно.

— Значит, вы выберете станцию.

— К-9 — часть станции.

— С сегодняшнего дня по цвету на экране?

— Нет. Все пятнадцать лет по воздуху, ремонту и людям. Сегодня это просто стало невозможно отрицать.

Сима молчала.

Ада встала между ними, не заслоня ни одну.

— Скажите ей про эвакуацию, — попросила она Ладу.

Лада посмотрела на Иин лист в своей руке.

— Я не соглашусь считать место в модуле безусловным спасением. В расчёт должны войти перегрузка, разлучение, риск невозвращения и мнение самих людей. За детей решают опекуны вместе с врачами, не директор и не инженерная модель.

— Красивые слова, — сказала Сима.

— Поэтому я внесу их в процедуру, которую сможет проверить Яна. И не буду принимать решение о К-9 без представителей К-9.

— Вы уже назвали Герману наше число.

— Для расчёта. Это было моё решение, и я отвечаю за него. Второй раз я не назову необходимостью то, что можно решить вместе.

Сима посмотрела на Яну.

— Она умеет держать обещания?

— Не знаю, — ответила Яна. — Мы знакомы меньше суток.

Лада почувствовала укол, хотя ответ был единственно честным.

— Но она уже остановилась перед закрытой дверью, которую могла попытаться вскрыть, — продолжила Яна. — Для меня это пока единственный проверяемый факт.

Сима перевела взгляд обратно на Ладу.

— Через час будет собрание по эвакуации. Два места К-9, выбранные нами. Не вами.

— Четыре, — сказала Лада. — От клиники, мастерской, родителей и тех, кто хочет эвакуироваться.

— Три. Желающие эвакуироваться могут выбрать одного вместе с родителями.

— Согласна.

— И никаких имён в общей записи.

— До добровольной посадки — только роли.

Сима кивнула, словно уступила не людям, а одному миллиметру конструкции.

— Карту опоры я не дам.

— Тогда быстрый перегон останется запрещён.

— Останется.

Она развернулась к красной полосе.

Лада могла потребовать осмотр по аварийным полномочиям. Теперь К-9 был населённым сектором, и главная инженерка имела право проверять его несущие элементы. Но право не означало, что заваренная дверь откроется без сопротивления и что люди по другую сторону не уничтожат записи раньше.

— Сима, — позвала она. — Мне нужен хотя бы текущий предел: какую скорость кассет вы считаете безопасной?

Сима остановилась.

— Сорок процентов.

Рашид выругался в канале. При такой скорости масса не успевала к расчётному положению до закрытия переходов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.